

*Новосибирское региональное
Пушкинское общество*

*Пушкинский альманах
выпуск 10*

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2011

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 10** /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2011. – 178 стр.

Международная Славянская академия наук, образования, искусств и культуры. Западно-Сибирское отделение

ISBN

Материалы об А.С. Пушкине, его жизни, творчестве и влиянии его гения на все стороны российской общественной жизни читатель найдет во всех разделах этого выпуска «Пушкинского альманаха». Вводится и новый раздел: «Поиск. Находки. Гипотезы».

В этом выпуске редакция приступает к публикации работ победителей и лауреатов Новосибирского областного фестиваля литературного творчества учителей «Под сенью Пушкина творят учителя», проведенного в 2010 году совместно Новосибирским региональным Пушкинским обществом и министерством образования, науки и инновационной политики правительства Новосибирской области.

Приятного и полезного чтения!

© Составление: Евдасин В.М.,
Крыжановский В.Е., Трухина Н.П., 2011
© Издательство «Манускрипт», 2011

Пушкин и мы

A.C. Пушкин

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнаником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим – и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилиу крылья
Вороная при ветре...

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны

Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, – здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох –
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перрастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомяннет.

26 сентября 1835

Владимир Евдасин

член правления Новосибирского регионального Пушкинского общества. Печатается в газетах и журналах

Повесть о том, как Василий Васильевич Александра Сергеевича по почте послал

Художник ставит сверхзадачу

В 1935 году правительством был образован Всесоюзный Пушкинский комитет для проведения в стране мероприятий к столетию со дня смерти великого российского поэта А.С. Пушкина. Подготовку к выпуску памятной серии почтовых марок поручили художнику Василию Васильевичу Завьялову.

Получив задание, художник наверняка вспомнил самое начало своей творческой биографии, ту знаменательную параллель с началом творческой биографии Пушкина, о которой он стеснялся упоминать, но которая, хочешь не хочешь, всё же была.

Со школьной скамьи мы знаем, что на одном из переводных экзаменов в лицее юный Пушкин прочёл свои стихи, восхитившие патриарха российской поэзии того времени Г. Державина. Как написал впоследствии Пушкин:

*«Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил».*

Более того, когда на банкете по случаю подведения итогов экзамена министр просвещения выразил пожелание «образовать Пушкина прозаиком», Г. Державин потребовал: «Оставьте его поэтом!», – и тем как бы дал направление творческому пути будущего Гения России.

Нечто подобное произошло и в биографии В.Завьялова. Об этом художник так рассказывал в одном из интервью в 1966 году:

«Двадцать восьмой год. В актовом зале класса художественного гравирования выставка дипломных работ. Ждут гостей: обещал приехать Михаил Иванович Калинин. Вот и он сам – первый рабочий президент. Щурится, вглядываясь в полотна, ободряет взволнованных дипломантов.

Задержался Калинин у стендса с моими работами. «А вы почему полагаете себя посвятить, товарищ?» – спрашивает.

Ну, тут я с апломбом начал доказывать, что лишь монументальное искусство, вынесенное на улицу, найдёт дорогу к сердцам людей, что вижу своё призвание в станковой живописи, в скульптуре. Я, мол, всё это глубоко продумал и ни на йоту не сдал позиций.

Как он меня высмеял! Я, говорит, тоже за монументальное искусство. Но задумывались ли вы над тем, сколько человек увидит вашу картину в музее? Ну, скажем, сто тысяч. А вот вашу почтовую марку с изображением мавзолея уже держали в руках миллионы. И пусть люди не узнают вашу фамилию. Зато благодаря вам они как бы побывали на Красной площади, смогли принести поклон Ильичу. А если наши марки расскажут о том, что такое социализм и как он делается в нашей стране? Вот это будет монументальная пропаганда! Вот это действительно фронт работы!

Словом, разбил меня Михаил Иванович наголову. И так сумел внушить уважение к почтовой марке, что с тех пор она стала, если можно так сказать, моей судьбой».

И счастливой судьбой. В 1968 году художнику-миниатюристу В.Завьялову, автору более шести сотен талантливо оформленных почтовых марок, было присвоено почётное звание «заслуженный художник РСФСР».

Вот такая параллель. Почти при одинаковых обстоятельствах, на экзамене, а выставка дипломных работ – экзамен для молодых художников, «дедушка Калинин», совсем как «старик Державин» Пушкина, заметил и оценил талант В. Завьялова и дал направление его творческого пути.

Работа над созданием памятной серии почтовых миниатюр началась с изучения творческой биографии поэта и произведений искусства, посвящённых ему. Это дало возможность наметить сюжеты будущих марок. А поскольку задание предусматривало выпуск шести почтовых марок, В. Завьялов решил поставить перед собой сверхзадачу: проиллюстрировать в этой серии миниатюр биографию поэта.

План был таков. Начинаться серия должна с марки с изображением поэта в детстве, потом, в соответствии с пониманием связей поэта с декабристами как основы всего его творчества (именно такое понимание внушалось тогда идеологами и пропагандистами), на марках должны быть воспроизведены картина Н. Ге «Пушкин, Пущин и няня в Михайловском» и рисунок Д. Кардовского «Пушкин и декабристы в Каменке». Три почтовые марки в серии «К столетию со дня смерти поэта», В. Завьялов решил посвятить сцене дуэли по картине А. Наумова, последнему портрету поэта и памяти его.

Многодневный труд по поиску произведений искусства для основы сюжетов миниатюр, по разработке собственного языка символов, по подбору шрифтов и размещению обязательных для почтовых марок текстов, по созданию общесерийных композиционных решений, тщательной и не в одном варианте прорисовке каждого проекта будущей почтовой миниатюры завершился вначале собственным взыскательным отбором лучших вариантов, а затем представлением авторитетному жюри шести оригиналов.

Увы, государственная комиссия утвердила к выпуску только два из представленных В. Завьяловым оригиналов, хотя и отметила высокое качество всех. Решение госкомиссии опиралось на экономику: выпуск всех шести почтовых марок по оригинальным проектам дороже, чем выпуск марок с двумя сюжетами в трёх цветовых вариантах.

Решить сверхзадачу в этой серии В. Завьялову не удалось. Удалось представить образ Пушкина миллионам соотечественников.

Внешность А.С.Пушкина нам не сохранила ни одна фотография. И не могла сохранить, ибо первый фотографичес-

кий прибор был изобретён французом Луи Жан Манде Дагером в 1836 году, а в России снимки, сделанные камерой Дагера, впервые увидели только в 1839 году, через два года после трагической гибели поэта.

А до того современники Пушкина дарили друзьям и хранили как семейные реликвии специально заказываемые художникам картины или гравюры. И хотя дело это было довольно дорогое, поэт не составлял исключения, его рисовали многие художники. Только на одной странице дереволюционного издания его сочинений приведено аж восемнадцать портретов поэта.

Словом, В. Завьялову было из чего выбирать основу для сюжета почтовой памятной миниатюры. Среди сохранившихся изображений А.С. Пушкина было несколько выполненных настоящими мастерами кисти и резца.

И памятник поэту и портрет наклеены впервые на конверт

И вот, в феврале 1937 года в почтовых окнах уже продавали, едва ли не самый миниатюрный графический портрет А.С. Пушкина. Впервые в мире облик поэта, наклеенный на конверт, мог попасть в самые глухие уголки нашего отечества и других стран. С ним познакомились не менее ста миллионов человек, ведь тираж этой почтовой марки 42,3 млн экземпляров.

В среде филателистов с этой маркой связан переполох в 1955 году, когда только что изданный каталог сообщил, что марка выпущена по картине художника В. Тропинина. На

ошибку указали многие, так как рисунок марки ничего общего с известным портретом не имел. В следующем издании каталога в 1958 году составители изменили первоначальную версию и указали, что на марке приведён портрет работы художника О. Кипренского.

Коллекционеров и это не успокоило, хотя и поворот головы, и направление взгляда, игра света и теней на марке и картине О. Кипренского совпадают. Но не мог же автор рисунка марки так вольно изменить детали портрета. На картине галстук повязан свободно, широким узлом, его концы закрывают грудь, а на марке элегантный красиво повязанный бант, на груди видна сорочка или манишка в вертикальную полоску. У О. Кипренского через правое плечо поэта перекинут клетчатый шарф, а на марке его нет. Явно В. Завьялов выбрал другой портрет. Какой же?

Естественно предположить, что художник для воспроизведения на марке к столетию со дня смерти должен был выбрать одно из последних его изображений. Последним считается тот портрет А.С. Пушкина, что висит на стене его квартиры-музея на набережной Мойки, 12 в Санкт-Петербурге. Это оттиск с гравюры Томаса Райта, хранящейся в Эрмитаже.

Даже беглый взгляд на репродукцию с гравюры Томаса Райта убеждает, что именно эта гравюра легла в основу сюжета первой пушкинской марки. В дальнейшем с этим согласились и авторы каталогов.

Хотя последним прижизненным изображением гравюру Томаса Райта признать нельзя, выбор её В.Завьяловым для сюжета памятной пушкинской марки справедлив и оправдан.

Но прежде, чем марка попала в печать, работа над образом великого поэта продолжалась.

Соавторство пяти

В. Завьялов в точности воспроизвёл уменьшенную копию гравюры Томаса Райта на проекте почтовой миниатюры. Но его марка тоже самостоятельное произведение, в котором художник, несмотря на ограничения жанра, сумел донести до

зрителя не только величественный образ гениального поэта, но и горечь невосполнимой утраты, что особенно важно в дни траурного юбилея, к которому и создавалась почтовая марка.

Точные приёмы символики, использованные В. Завьяловым, не имевшим возможности, да и права изменять сам портрет поэта, говорят о многом.

Страницы открытой книги, на фоне которой изображён А.С. Пушкин, символизируют то бесценное наследство, что оставил поэт в литературе, в критических и публицистических статьях, в исторических трудах, в рисунках.

Лавровый венок не просто венок славы. В него, как в чернильницу, воткнуто гусиное перо, орудие творческого труда поэта. Изображение лиры, как всегда, обозначает поэтический гений.

Но как на миниатюрной марке выразить горечь безвременной утраты, какая прозвучала так сильно у Лермонтова в большом стихотворении «На смерть поэта» или даже в короткой фразе Одоевского из некролога: «Солнце нашей поэзии закатилось»?

Рассматривая почтовую марку, вдруг замечаешь, что струны у лиры оборваны. Вот таким скромным, но удивительно точным приёмом В.Завьялов подчеркнул трагедию оборвавшейся жизни поэта, его безвременно умолкнувшей музы.

Если посмотреть на марку с портретом Пушкина через линзу с солидным увеличением, становится видна работа гравера-миниатюриста А. Троицкого, который по оригиналу В. Завьялова выполнил гравюру в натуральную величину почтовой марки. То редкие, то частые, то сливающиеся в сплошное пятно, то длинные, то короткие, иногда до точки, белые и цветные линии задают рисунок, переносят игру света и теней с тонового рисунка оригинала, а их волнообразные извины дают ещё и ощущение объёмности изображения. И всё это создаётся на художественном поле, в 462 раза меньшем полотна картины О. Кипренского, в 35 раз меньшем стальной доски гравюры Т. Райта и на порядок меньшем рисунка-проекта В. Завьялова.

Благодаря великолепной гравировке почтовая миниатюра отличается высоким качеством полиграфического исполнения, а образ А.С.Пушкина на ней ничуть не проигрывает созданному на больших по размеру произведениях живописи и графики.

Пять художников – О. Кипренский, Н. Уткин, Т. Райт в XIX веке¹, В. Завьялов и А. Троицкий в XX – причастны к созданию образа А.С. Пушкина, дошедшего до нас на почтовой марке 1937 года – скромной квитанции об уплате почтового тарифа, превращённой талантливыми художниками, прежде всего автором её проекта В. Завьяловым, в подлинное произведение изобразительного искусства, живописное полотно, гравюры на меди и на стали, графический рисунок и вновь гравюра, но уже на дереве – таков путь образа А.С. Пушкина через два века по жанрам изобразительного искусства при постепенном уменьшении размера произведения до размера почтовой марки, разошедшейся с письмами по всей стране.

В феврале 1937 года издана и вторая почтовая марка серии «100 лет со дня смерти А.С. Пушкина». Стилистически оформление её соответствовало общим признакам серии, а основой сюжета стала скульптура памятника поэту на фоне символической лиры.

Интересно, что эта самая лира чуть было не привела к беде художника В. Завьялова. Вот как он сам рассказывал об этом.

После того, как марки поступили в продажу, Василия Васильевича вызвал один большой начальник и огорошил вопросом:

– С какой целью вы нашему любимому народному поэту приделали за спиной воловьи рога? – и выложил на стол марку с памятником на фоне лиры.

Долго пришлось художнику объяснять и доказывать, что лира не «воловьи рога», а музыкальный инструмент древних греков и что изображение лиры во всём мире давно служит символом поэтического творчества.

¹ См. «Пушкинский альманах», выпуск 5, стр.37–51.

Начальник, наконец, понял: «Значит, что-то вроде балалайки?», но окончательно успокоился, увидев авторитетные подписи, утвердившие проект марки. Казалось бы, курьёз, анекдот, говорящий об уровне некоторых начальников. Но ведь шёл 1937 год, всюду выискивались происки «врагов народа», такое обвинение могло закончиться трагедией для художника.

Памятник, изображённый на почтовой марке, и сейчас возвышается над площадью им. Пушкина в Москве².

Ещё раз десять лет спустя

Художник-миниатюрист В. Завьялов всю Великую Отечественную войну от производства почтовых марок был отлучён. Его основным делом на военной службе было создание политических плакатов и картин на военно-патриотическую тему, многие из которых стали украшением дальневосточных музеев и галерей, домов офицеров, казарм и флотских кубриков.

К радости художника, одно из первых заданий после демобилизации вновь было связано с Пушкиным. Предстояло подготовить серию из двух почтовых марок с одним сюжетом на тему «110 лет со дня смерти А.С. Пушкина».

За время войны оснащение полиграфической базы, естественно, не улучшилось, полиграфисты по-прежнему не могли обеспечить многоцветную печать. Это надо было учесть при выборе сюжета. Кроме того, В. Завьялов не оставлял надежды осуществить поставленную им сверхзадачу по иллюстрированию биографии Пушкина в одной серии почтовых миниатюр и ему не хотелось разрознить подготовленные, но не осуществлённые в 1937 году проекты марок.

Выбор пал на картину работы В. Тропинина, признанную одним из лучших прижизненных изображений Пушкина и во всём мире считающуюся подлинным шедевром российского искусства XIX столетия.

² См. «Пушкинский альманах» №5, стр.37–51.

Во-первых, В. Тропинин всей картине придал как бы монотональность, всё полотно смотрится как гармоничное сочетание различных оттенков коричневого с синим или сиреневым и белых пятен в композиционных центрах, что облегчает задачу воспроизведения портрета в одноцветном варианте. Во-вторых, само композиционное построение картины позволяет без ущерба её художественным достоинствам и с минимальным фрагментированием разместить на небольшом поле почтовой миниатюры и репродукцию портрета и обязательные реквизиты.

Уменьшенную копию картины В. Тропинина В. Завьялов взял в рамку-орнамент. Лишь узкая полоса над портретом не занята творением В. Тропинина. По этой полосе дана надпись «А.С. Пушкин» А ниже портрета, с небольшим наплывом на изобразительное поле картины, В. Завьялов нарисовал светлую волнообразную ленту с обязательным реквизитом «Почта СССР». Лента как бы прикрывает прорисованный В. Тропининым край столешницы письменного стола, что позволило создать впечатление продления столешницы в сторону зрителя. Размещённые над лентой, а значит, и над столешницей символические элементы – чернильница, гусиное перо, раскрытая тетрадь, пальмовая ветвь – смотрятся естественным продолжением картины и подчёркивают поэтический гений и славу изображённого на миниатюре поэта.

Мне кажется, В. Завьялову удалось не только не испортить восприятие картины В. Тропинина обязательными реквизитами и символами, но и сгладить некоторые слабости её композиционного решения. Неестественно, невыразительно и пусто у В. Тропинина выглядит затемнённый правый нижний угол картины, никак не работающий на образ поэта. Разместив в зоне этой «пустоты» реквизиты и символы в светлой тональности, В. Завьялову удалось заставить ранее не работающее пространство заговорить языком символов. При этом нельзя не отметить художественный тakt создателя

миниатюры: образ поэта с картины В. Тропинина сохранён полностью, ничто не мешает его восприятию зрителем.

В феврале 1947 года почтовые марки серии «110 лет со дня смерти А.С. Пушкина» поступили в продажу и разлетелись по всему свету, знакомя почтовых корреспондентов с ещё одним шедевром российского искусства, с ещё одним прижизненным портретом великого поэта³.

³ О портрете и Пушкине в пору создания портрета см. в «Пушкинском альманахе» выпуск 6, – С. 43–59 и выпуск 9 стр.12–36.

Вячеслав Небольсин

поэтической деятельностью занимается со студенческих лет, в 2003-м издана большая книга стихов «Лебяжий луг». Профессор Международной славянской академии

Божье озарение

...И признак Бога, вдохновенье...
A.C. Пушкин

«И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо – к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут».

Всего четыре строчки гения –
И вот он, образ вдохновения!
Слова поэзии и прозы,
Так безнадежные вчера,
Легко пойдут из-под пера,
Озвучат пушкинскую мысль,
Раскрыв ее высокий смысл.

Когда приходит Вдохновение,
Нисходит Божье озарение:
Течет не строчка, а Страна –
Воистину Его рука.
А там, где быть Его руке,
Царить Поэзии в строке.

В союзе строф в едином ритме
Строка к строке в «той» лёгкой рифме
Представят в таинстве объятий
Блеск языка, венок понятий.
Во всём изысканность и мера
И что ни образ – то премьера!

Всё это вызовет у вас
Восторг души, сиянье глаз.

Он тайны муз с отвагой гения
Постиг, являя высший класс,
Дал русский образец творения.
Прочтите, чудо Вдохновения
Божественно коснется вас.

Читая Пушкина, учусь
И в храм Поэзии стучусь.
Благодарю за вдохновение,
Прошу Его благословения...

Читая Пушкина, дивлюсь
И вдохновляюсь, и в отваге
Я вдруг поэтом становлюсь:
Рука – «к перу, перо – к бумаге» ...
И, будто на помин легка,
Приходит первая строка.

Неповторимый человек!
Он – целый мир, он – что планета,
Но, как мираж, был кратким век:
Не миф ли всё, да было ль это?!
Какой был Свет! Он не померк:

Под Богом все! Никто не вечен
И день за днем – как листопад.
За утром жизни – день и вечер
И две зари: восход, закат.

Но Пушкин – это навсегда!
Гори, сияй Его Звезда!

2009

Виктор Липсанский

многие годы занимается поэтическим творчеством, издал сборник стихов и песен «Свет любви» (2003). Член правления Новосибирского регионального Пушкинского общества

О чём писать

О чём писать, когда уже давно
Сам Пушкин, Маяковский и Есенин
Сказали обо всём, да так легко,
Что на века себя вписать успели.

Хотя Высоцкий духом не срёбл
И попытался осветить пoyerче
Эпоху ту, в которой он сумел
Кумиром стать для всех, а это значит,
Что подаёт Высоцкий всем пример,
Мол, каждая эпоха предлагает
Свой ритм, рисунок, антураж, размер;
И гении все звёздами сияют,

Указывая путь в кромешной тьме,
Чем характерна каждая эпоха,
И помогают разобраться, где
Зарыта истина, что хорошо, что плохо.

Смотрю на жизнь России я сейчас
И вижу, что народ живёт убого
И в то же время радуется глаз,
Что церкви строятся и в них сегодня много
Духовных христиан, и славят все
Отца и Сына и Святаго Духа!
Да будет мир, любовь на всей земле!
Христос всем завещал любить друга друга!

Беседуя с духовными людьми,
Я вывод сделал для себя полезный:
Об истине, о мире, о любви
О доброте писать всегда уместно!

7 августа 2010

Люблю гармонию

Люблю гармонию:
Ни холодно, ни жарко,
И ветра нет;
Колышется слегка
Листва зелёная
И кажется подарком
Златая ветвь,
Знать, осень уж близка...

Люблю свидания
И становлюсь счастливей!
Люблю глаза,
Что в мире всех светлей...
Люблю признания
Из уст моей любимой
И голоса
Любимых мной друзей!

Люблю у озера
Сидеть я на закате
И наблюдать
За рыбной кутерьмой.
И блики звёздами
Сияют... И отраду
И благодать
Я чувствую душой...

Люблю гармонию:
Коль в тишину святую

Вольётся песнь
Пичужек на весь лес.
Душа влюблённая
Блаженствует, ликуя,
Что слышу здесь
Песнь ангелов с небес.

27 августа 2010

Ожидание Музы

Вновь ветер стих
И догорает день,
Последний луч едва мерцает,
И в этот миг
Предвестник ночи тень
Округу шалью покрывает.

И крепким сном
Природа вся заснёт,
Погрузится в покой блаженный,
И Муза в дом
Моей души войдёт
И мне навеет вдохновенье.

И я опять
За карандаш возьмусь
И запишу всё под диктовку.
Чего скрывать,
Я правды не боюсь;
Боюсь, что Музу ждать придётся долго...

31 августа 2010

В. Федоров

стоял у истоков Новосибирского литературного объединения «Молодость». В 1958 г. вышла поэма «Проданная Венера», в 1966 г. – сборник гражданской и любовной лирики «Третий петух», в 1968 г. – «Седьмое небо». Ежегодно, начиная с 1985 г., в сентябре на родине поэта в Марьевке проводятся – Федоровские чтения

Морошка

Пустынно,
Ни тропинки,
Ни дорожки,
Замшелые холмы,
Как волны
В шторм,
И запах
Подмороженной морошки
Напоминает что-то...
Что же?
Что?

И тучи,
И гагары
Слезным криком,
И солнце
Погасающим лучом
Напомнили
О чем-то о великом,
О чем-то скорбном...
Но о чем?
О чем?

Да, да – морошка...
Поданная с ложки...
Представил,
Как в боренье с немотой
Ослабший Пушкин
Попросил морошки,
Вот этой самой,
Кисленькой немножко,
Вот этой самой,
Скромной и простой.

И, глядя
На полярную зарю.
Сказал я тундре,
Что вокруг лежала:
Благодарю.
За то благодарю,
Что в смертный час
Его ты утешала.

*Очерк и
публицистика*

Желя Прухина

принимала участие в составлении книги «Дети войны подвига отцов достойны» (2008), печаталась в различных газетах и «Пушкинском альманахе». С июня 2009 года – председатель правления Новосибирского регионального Пушкинского общества

Дорога длиною в жизнь

*Высоких дум высокое паренье
И помыслов духовных чистота.
Какое-то святое озаренье
Сошло на эти милые места.*

*А. Чернышев
(Новосибирский поэт)*

Пушкин вошел в мою жизнь в раннем детстве, чтобы остаться в ней навсегда. Причудливы извилины пушкинской тропы. Путь от Пушкинского заповедника в Михайловском до заповедных болдинских мест был длиною в 40 лет моей жизни. Только в конце лета 2010 года я посетила село Болдино и его окрестности. Страшные следы пожаров, словно ожоги высшей степени, зияли на теле земли-кормилицы на всем протяжении моего пути по нижегородской земле, от Арзамаса до Болдина и от Болдина до Нижнего Новгорода. Печальную картину дополняли почерневшие от огня деревья. Тоска сжимала сердце при мысли: «А как же Болдино?»

А Болдино выстояло и приветливо встретило меня свежестью и прохладой, милым говором селян, их готовностью объяснить, помочь, показать дорогу приезжему человеку.

Договорившись о встрече с директором заповедника Ю.А. Жулиным с вечера, чуть свет я пошла к музею, благо, что администрация его начинает работу в 7 часов утра, а в 9 часов двери музея, усадьбы открываются для посетителей, которые стекаются сюда со всех концов земли.

Итак, ранним августовским утром я приближалась к земле обетованной. Я шла по парку мимо прудов, в зеркалах которых отражалась белоснежная церковь Успения Божией Матери, построенная в конце XVIII в. при деде поэта Льве Александровиче.

Много путешествуя по литературным местам России, я созерцала «дворянских гнезд таинственную прелесть, столетний шепот липовых аллей», но пушкинское Болдино при всем своем сходстве с дворянскими гнездами XIX в. было каким-то особенным, ведь здесь паломник физически ощущает «высоких дум высокое паренье и помыслов духовных чистоту»... И, конечно, при входе, слева от барского дома, меня встретил Александр Сергеевич, сидящий на скамье (работа скульптора Комова). Я присела вблизи памятника, и начался полусветский разговор...

А в административном здании музея была еще одна встреча – с директором Болдинского заповедника Ю.А. Жулиным. Юрий Александрович, мужчина средних лет, слегка ироничный, въедливый, за короткое время буквально вытряхнул из меня сведения о Новосибирском региональном Пушкинском обществе и о памятниках Пушкину в Сибири. Он ставил вопросы и попутно отвечал на мои так, что словам было тесно, а мыслям просторно. Передо мной предстал не только хороший администратор, известный ученый-пушкинист, но и рыцарски преданный великому Пушкину человек. Как я убедилась вскоре, весь коллектив музея – это люди приветливые, доброжелательные, хорошо знающие и исполняющие свое дело.

Для меня была организована автобусная экскурсия в музей литературных героев повестей Ивана Петровича Белкина в село Львовка. В этом музее я увидела не иллюстрации к «Повестям Белкина», а живые картины из повестей: «Выстрел», «Метель», «Барышня-крестьянка». А кабинет самого Ивана Петровича Белкина выглядел так, будто хозяин только что вышел из комнаты, чтобы пообщаться с Марьей Гавриловной, Лизой Муромской или узнать у Сильвио новые подробности о дуэли с графом.

Музей разместился в бывшем барском доме, выстроенным при старшем сыне Пушкина, Александре Александровиче, человеке высокообразованном, герое русско-турецкой войны, боевом генерале, отце 13 детей. Кроме барского дома, были построены еще деревенская церковь и церковно-приходская школа для деревенских ребятишек. Тогда же были посажены 4 сосны, по количеству детей великого поэта, и разбит парк. Так старший сын поэта выполнил наказ своей любимой матери Натальи Николаевны. Вот уже второе столетие рукотворный парк радует глаз посетителя.

А роща Лучинник встретила прохладой, таинственным шепотом листвы, журчанием воды болдинского родника. Жители окрестных сел и деревень приходят и приезжают к роднику, чтобы испить ключевой воды, да и домой принести.

Село Большое Болдино – центр Болдинского заповедника. Несколько голубых домиков напротив церкви называют поповым порядком: когда-то в них жили священники, служившие в церкви Успения Божией Матери. Сейчас в доме священника Фиалковского расположился музей сказок Пушкина. Ведь лучшие сказки написаны поэтом в Болдине, кроме «Сказки о царе Салтане...» Все фигуры персонажей сказок изготовлены детскими руками, вернее, детскими творческими коллективами города Дзержинска. Смотришь, и кажется, что вот-вот куклы заговорят языком героев сказок.

Трижды бывал Александр Сергеевич в Болдине: в 1830, 1833 и 1834 годах. В 1830 году он приехал счастливым женихом. Тревожная холерная осень обернулась для поэта не только трехмесячным заточением, но и одновременно стала порой наивысшего в его жизни творческого подъема (было написано 50 произведений). В 1833 году в Болдино приехал муж и отец после поездки по пугачевским местам Урала и Поволжья с серьезными творческими замыслами. Из-под пера Пушкина вышли «История Пугачева», «Медный всадник», «Анджело», «Сказка о мертвой царевне», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Осень», «Пиковая дама», «Песни западных славян», переводы Адама Мицкевича. 1834 год – начало жиз-

ненной драмы Пушкина. В Болдино приехал уставший от многочисленных забот человек, в унизительном придворном звании камер-юнкера. Он должен был облегчить материальное положение старика-отца, оплатить долги брата Льва Сергеевича. Все это, конечно, не способствовало творческому процессу, но и тогда, за 3 недели пребывания в Болдине, поэтом были написаны «Сказка о золотом петушке» и «Капитанская дочка».

В первый и второй приезды Александр Сергеевич жил и трудился в барском доме, занимая 2 комнаты, и мечтал поселяться здесь когда-нибудь вместе со своей семьей. В последний приезд он жил в вотчинной конторе.

Святая святых Болдинского заповедника – дом-музей. Экспонаты первой комнаты рассказывают об истории рода Пушкиных. Яркий герб рода от 1798 года («Общий гербовник дворянских родов»), рыцарский щит, княжеская шапка на бархатной подушке – знак того, что предок Пушкиных воевал под знаменами князя Александра Невского (правый верхний угол.) В нижней части герба, слева, – рука в серебряных латах, сжимающая меч, в другой части – орел с распластанными крыльями, держащий меч и державу. Родословная древа Пушкиных начинается с XII в., когда иноземец Ратша пришел служить под русские знамена, в XIV в. всплывает имя Григория Пушки. При дворе царя Ивана Грозного был послом Евстафий Михайлович Пушкин. За верную службу государю он получил Болдино, ставшее вотчиной, т.е. родовым именем. В нижней части древа под именем Льва Александровича написаны имена его детей, в том числе Василия и Сергея (дети от второго брака), т.е. дяди и отца Пушкина. После смерти деда имение раздробилось – началось разорение старинного рода. Так возникла ситуация: обедневшие внуки богатого деда. Вторая комната, зальце, убрана в стиле пушкинского времени. Это самая большая и светлая комната. Окна и застекленная дверь выходят на веранду. В кабинете Пушкина мерно тикают часы, белые шторы на окнах раздвинуты. Вдоль стен только самая необходимая мебель: книж-

ный шкаф, диван, бюро, письменный стол с отодвинутым стулом, чернильный прибор, свечи, рукописи. На бюро портрет Натальи Николаевны.

Есть и послепушкинская пристройка — галерея, где развернута экспозиция материалов, собранных уже семьей брата, Льва Сергеевича: его женой Елизаветой Александровной, дочерью симбирского губернатора А.М. Загряжского, и трёмя его детьми, которые после смерти Сергея Львовича Пушкина владели усадьбой и половиной села Болдино.

Во дворе барского дома — амбар для зерна и конюшня, есть и другие хозяйственные постройки. Чтобы пройти к вотчинной конторе, в которой он из-за ремонта барского дома поселился, нужно пересечь заповедный парк с двумя прудами и далее по горбатому мостику — к флигелю, в котором находилась когда-то вотчинная контора (ее называли еще «бурмистровской», «судной избой»). В ходе ремонтов и реставраций флигель не раз переносился в разные места усадьбы, пока не устроился, наконец, на берегу пруда, в начале липовой аллеи. Холодные сени, где выставлена крестьянская домашняя утварь пушкинских времен, разделяет флигель на 2 части: контору и жилую комнату, в которой поэт жил в свой последний приезд. В конторе царил управляющий с его «секретариатом» — писарями, здесь велась вся документация по имению, расчеты и разборки, сюда поступали сведения об оброке, собирались старейшины для справедливого суда. Эта половина напоминает настоящий деловой центр, а по обстановке второй половины можно догадаться, что здесь обитает человек творческий. Гуляя по заповедному парку, можно увидеть свой облик в зеркале прудов и испытать крайнее удовольствие от этого созерцания. Где-то в глубине парка затаился колодец, в вишневой аллее можно посидеть на дерновой скамье. Да что говорить! Много приятных неожиданностей поджидает тебя и в самой усадьбе, и в окрестностях Болдина, где хорошо просматриваются дали и можно, если немного напрячь воображение, увидеть лихого наездника, совершающего прогулки в сельцо Кистенево или село

Львовка, иногда Малое Болдино или в рощу Лучинник к животворному ключу, вода из которого чиста и свежа, целебна и бодряща. Но это в воображении, а на самом деле и Львовка, и Малое Болдино появились после смерти поэта, а в его время это были живописные места для прогулок. Деревья – современники Пушкина: дубы, ветлы, липы, березы и др. – были свидетелями счастливых минут и часов жизни поэта в период Болдинской осени.

Село Большое Болдино не затерялось на географической карте, а, наполнившись каким-то особенным смыслом, стало отдельным названием, своеобразной поэтической Меккой, мечтой для тысяч и тысяч людей. Болдино — одна из столиц русской поэтической культуры. Сколько ни думай, но, наверное, никогда так и не сумеешь постичь до конца сути всего, что сотворилось в Болдине. Это не назовешь даже подвигом: на подвиг идут сознательно, «подвигают» себя на него, порою принося результату жертвы и часто немалые. То, что свершилось в Болдине, не назовешь иначе, как Чудом.

Валерия Бобылева

кандидат культурологии, член Объединения русских литераторов в Эстонии, председатель Пушкинского общества в Эстонии

Ревельские мотивы и «ошибка Пушкина»

Письмо как документ можно принимать по тому, что в нем есть, а не по тому, чего нет.

Семен Ласкин¹

Велик наш интерес к Пушкину – прежде всего к его многогранному творчеству, познавать и изучать которое будет каждое поколение. Исследователей пушкинского наследия в первую очередь интересуют реалии в жизни поэта, которые давали толчок или, можно сказать, душевный порыв к написанию того или другого произведения. Как видим, балтийские реалии в творчестве Пушкина присутствуют. Следуя цели находиться в пространстве темы «Эстонской Пушкинианы», хочется обратиться к одному произведению А.С. Пушкина, которое, бесспорно, родилось на почве ревельских реалий, хотя ранее на это никто не обращал внимания. Позволим себе связать между собой разные области пушкинистики: факты истории и исторические личности, генеалогию и семейные предания, средневековые баллады и пушкинскую поэзию. Речь идет об одном шутливом послании Пушкина к своему другу, Антону Антоновичу Дельвигу². Идею создания такого сочинения поэт изложил в своем пись-

¹ Семен Ласкин. Вокруг дуэли. Документальная повесть.– СПб. 1993. – С. 41.

² Пушкин А.С. ПСС в десяти томах. Т. 2. – М. 1959. «Послание Дельвигу». С.183–187.

ме, которое он написал в Ревель из Михайловского 31 июля 1827 года:

«... Постараюсь прислать еще что-нибудь. <...> Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем. Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у вас; вдохновенья еще нет, покамест принял я за прозу. Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя поэзия? Рыцарский Ревель разбудил ли твою заспанную музу? <...> Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее целует, а я ей кланяюсь. – Пиши же»³.

Важно вспомнить обстоятельства появления этого письма. Лето 1827 года Антон Антонович Дельвиг с молодой женой Софьей Михайловной проводили на ревельских купаниях. Они отправились туда в компании родителей Александра Сергеевича Пушкина. Старшие Пушкины, следуя распространившейся моде, с 1825 года стали посещать ревельские курорты («ревельские воды»). Три года подряд они на всё лето отправлялись в Ревель. Интерес к экзотическим средневековым древностям у столичной публики стал возникать после опубликования А. Бестужевым-Марлинским его путевых записок «Поездка в Ревель», изданных в 1821 году. Многие друзья и знакомые Пушкина в 1820–1840 годы посещали ревельские купальни: среди них были П.А. Вяземский и его сестра Е.А. Карамзина, И.А. Крылов, Н.М. Языков, братья Бестужевы, А.О. Смирнова-Россет, А.А. Оленина, Е.П. Ростопчина и многие представители столичного дворянства. Город становился привлекательным местом для отдыхающих. Об этом писатель-путешественник писал:

«...Прекрасное местоположение, чистый благородственный воздух, устройство купален в море, известность врачей, удобство квартир, дешевизна жизненных потребностей и многие другие причины обращали издавна внимание жителей Петербурга на сей курорт...»⁴.

³ Пушкин А.С. ПСС в десяти томах. Т. 10. – М. 1962. – С. 262.

⁴ Свильин П.И. И моя поездка в Ревель. 1827 год. //Отечественные записки. 1828. № 95. Март. – С. 536–537.

Весной 1827 года Сергей Львович, Надежда Осиповна Пушкины и их дочь Ольга Сергеевна стали собираться в Эстляндию. Молодые супруги Дельвиги решили присоединиться к ним. Для них была снята дача в парке Катриненталь (ныне Кадриорг) в доме Витта. В мае шли последние приготовления к отъезду, и в этот момент произошло для всех неожиданное и радостное событие: освобожденному из ссылки Пушкину позволено появиться в столице. В Петербурге произошла встреча Александра Сергеевича с родителями, с любезным Антошой Дельвигом и его молодой женой Софьей Михайловной, которая не скрывала своего восхищения перед поэзией Пушкина. По всему видно, что Александру тоже было предложено отправиться со всей этой компанией в Ревель, на что Пушкин не возражал, но пообещал приехать в Эстляндию позже: требовалось уладить кое-какие дела. Он пожелал поехать за своими бумагами и черновиками в псковское имение, но там задержался до конца лета, так как начал сочинять. Дельвиг мечтал о встрече с Пушкиным в Ревеле. Он писал в Тригорское Прасковье Александровне Осиповой-Вульф в первые дни приезда:

«...Теперь мы в Ревеле всякой день с милым семейством Пушкина любуемся самыми романтическими видами, наслаждаемся погодою и здоровьем и только чувствуем один недостаток: хотели бы разделить наше счастье с вами и Александром...<...> Ждём его сюда, пока еще сомневаемся, сдержит ли обещание, и это сомнение умножит нашу радость, когда он сдержит слово...»⁵.

Пушкин и Дельвиг обменивались письмами. Сколько их точно было – неизвестно. Каково было их содержание? Хотя, о некоторых темах переписки можно догадываться. Опубликовано только одно письмо А.С. Пушкина из Михайловского в Ревель, приведенное выше. Скорее всего, это ответ на послание Дельвига. Можно предположить, о каких своих впечатлениях мог писать Антон Антонович другу в псковс-

⁵ Письмо от 14 июня 1827 г. (Газета «С-Петербургские ведомости» 1866. №. 63).

кую деревню: ведь он писал не только ему. Ревельские древности он описывал и другим адресатам. Так 2 августа он пишет к Николаю Ивановичу Гнедичу:

«Далёкий, милый друг, здравствуйте... Гляну на древний готический Ревель и жалею, что не могу разделить с вами моих чувств. Здесь, что ни шаг, то древность, да и какая же? пятисот (и более) летняя...»⁶.

Мужу вторит очарованная романтикой Ревеля Софья Михайловна. Она пишет своей подруге А.Н. Карелиной 1 июля:

«Я была уже много раз в городе; что поразило меня, так это ревельские улицы, такие узкие, что две кареты не смогли бы на них встретиться, без того, чтобы не раздавить друг друга; дома очень древней архитектуры: смотря на них, я думала о рыцарях, которые в них когда-то жили, и переносилась в эти счастливые времена.... Церкви особенно замечательны; в них видишь могилы рыцарей и их жен и их вооружения, свешивающиеся сверху, равно как их фамильное оружие. На некоторых из этих могил можно видеть фигуры рыцарей, сделанные во весь рост из камня. Это очень интересно. Мы посетили, между прочим, церковь св. Николая, построенную в 1317 году. Там мы видели тело одного герцога де Кроа, выставленное уже 150 лет взорам всех, – за долги он не был погребён...»⁷.

Об этом же герцоге де Кроа 2 августа в письме к Гнедичу упоминает и Антон Антонович:

«...По приказанию вашему был я у герцога дю-Круа. Он лежит в церкви Николая, построенной католиками прежде еще реформации...»⁸.

Скорее всего, подобного рода романтические описания рыцарских древностей и побудили Пушкина сочинить эле-

⁶ Цит. по кн. Верховский Ю. Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные. – СПб. 1922. – С. 33.

⁷ Цит. по кн. Модзальевский Б.Л. Пушкин (Воспоминания. Письма. Дневники). – М. 1999. (1929). – С. 168–169.

⁸ Верховский Ю. Барон Дельвиг. – С. 33.

гию на средневековую тему. Тем более, что к романтическому мотиву в его общем виде присоединилось упоминание о немецких «баронских» предках самого Антона Антоновича. Текст начинается обращением:

*Прими сей череп, Дельвиг, он
Принаследжит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.
Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нём со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига...*

Далее идёт поэтическое повествование об одном нерадивом студенте, который в Риге изучал медицину, но испытывал недостаток по части наглядных пособий. Ведь будущему доктору необходимо хорошо знать части тела человека, и студент решил добыть учебный скелет довольно необычным образом. Он за кружкой пива договорился с кистером (настоятелем городской церкви), чтобы тот помог ему вынести из могильных подвалов, где скопилось большое количество знатных покойников, кости одного из них. Для студента его предприятие закончилось не столь безобидно, да и для кистера церкви – тоже.

Почему Пушкин пообещал своему другу написать послание о черепе его деда? Скорей всего потому, что в письмах друга были упоминания о подлинных его предках, представителях старинного эстляндского рода Дельвигов. В церкви св. Николая, о которой писали супруги Дельвиги, они могли наблюдать серую надгробную плиту над погребением некоего Беренда Рейнгольда фон Дельвига, захороненного

там 15 февраля 1699 года. На надгробии изображены лежащий рыцарь, шлем, перчатки и гербы рода Дельвигов. Многие предки Антона Антоновича были связаны с Ревелем: с XVII века можно проследить их родословную. Некий Иоганн фон Дельвиг, лейтенант шведского королевского флота, который умер в 1652 году в Ревеле, имел шесть сыновей. Надгробная плита из серого плитняка в церкви св. Николая принадлежит одному из них, Беренду Рейнгольду (ум. в 1699 г.). Другой его сын, Отто (ум. в 1719 г.), был прямой предок Антона Антоновича Дельвига. И имя своё – Антон – Дельвиг получил в русском варианте, как родовое имя от *Otto*: именно так звали его отца, деда и прадеда. При изучении немецких дворянских родословных списков обнаруживается интересный факт: не подтверждается баронское достоинство прямых предков А.А. Дельвига.

Род Дельвигов

Род Дельвигов происходит из Вестфалии. Его представители поселились в Прибалтике с XIII века, со времён орденского завоевания. Владение землёй позволило им причислить себя к местному дворянству, на что указывает приставка «фон». Но баронским званием награждались представители рода по особому королевскому указу за службу монарху. Так, только сын Беренда Рейнгольда Отто, Бернгард Рейнгольд фон Дельвиг (1678–1748), грамотой шведской королевы Ульрики Элеоноры от 6 (17) января 1720 года возведён в баронское достоинство королевства Шведского с нисходящим его потомством (дети и внуки далее рождаются баронами). Линия его брата, Отто фон Дельвига, к которой принадлежал Антон Антонович, этого достоинства не имела. Хотя есть указание в родословной поколенной росписи, что пррапрадед Антона Дельвига, Вольтер (ум. в 1730 г.), был женат на однофамилице и, возможно, свояченице, урождённой баронессе Катарине фон Дельвиг. Но среди остзейских дворян по линии жены потомкам титул не передавался. Сейчас не ясно, на каком основании за Антоном Антоновичемочно закрепилось в обиходе наименование «барона», как это печатает-

ся в литературе о нем. Его прямые предки по отцу от шведских монархов этого титула не получали. К роду Дельвигов относились иные государственные указы

«Русское правительство по отношению к немецко-прибалтийскому kraю в 1846 году постановило, что в этом kraе имеют право на баронский титул те старинные дворянские фамилии, которые во время присоединения к России Лифляндии, Эстляндии и Курляндии записаны были в тамошних местных матрикулах, т.е. дворянских родословных книгах, и потом в указах, рескриптах и других публичных актах именованы были баронским титулом»⁹.

Как можно заметить, это постановление вошло в силу через 15 лет после столь ранней смерти Антона Антоновича Дельвига, последовавшей в 1831 году. Лишь в 1868 году Указом Сената Российской империи от 4/16 июня (№ 2463) за дворянской фамилией фон Дельвиг признан баронский титул¹⁰. Отец поэта, Отто Якоб Израэль (1773–1828), хотя и родился в Эстляндии (в имении Саллентак, недалеко от Пярну), но потом находился в русской службе, которая не связывала его с Прибалтикой¹¹. Не знать этого Антон Антонович не мог. Поэтому, находясь в Эстляндии, он о своём баронстве то ли в шутку, то ли всерьёз упомянул, на что Пушкин сразу среагировал:

«Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем...»

Своё «Послание Дельвигу» поэт смог вручить другу лишь осенью. Встреча лицейских друзей произошла в октябре,

⁹ Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. – М. 1991. (СПб. 1886). – С. 224, 225.

¹⁰ Семье Дельвиг неоднократно (в 1745, 1759 гг.) приходилось обращаться в Герольдию о «подтверждении» баронского звания. Но происходила путаница двух имен предков: Бернхард – барон, с 1720 г., Берент, его брат, титула барона не имел. К этой линии принадлежал А.А. Дельвиг. /Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. B. I, – С. 89.

¹¹ Его супругой, матерью Антона, была Красильникова Любовь Матвеевна, внучка, служившего в Академии наук, астронома М. Красильникова./ Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. B. I, – С. 87.

накануне лицейской годовщины, которая всегда отмечалась 19 числа. К этому важнейшему событию Пушкин спешил из Михайловского. «Барону Дельвигу» он преподнёс оригинальный подарок. Об этом свидетельствует двоюродный брат Дельвига, Андрей Иванович Дельвиг:

«...Я его [Пушкина – В.Б.] увидел в первый раз в октябре, когда он снова приехал из своего уединения, с. Михайловского. 17 октября праздновали день моих именин. Пушкин привёз с собой, подаренный его приятелем Вульфом череп от скелета одного из моих предков, погребённых в Риге, похищенного поэтом Языковым, в то время дерптским студентом, и вместе с ним превосходное стихотворение своё «Череп», посвященное А.А. Дельвигу и начинаящее строфою:

Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву...»¹²

Как изысканно излагает своё повествование о дельвиговском предке Пушкин:

Барон, конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый....

.....
<...> ...Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой...

Вернёмся к письмам супругов Дельвиг. Как любые путешественники, они посещали все самые интересные места в

¹² Дельвиг А.И. Воспоминания А.И. Дельвига 1820–1870. Т. I. М.-Л. 1930. – С. 93–94.

городе. Одной из любопытных достопримечательностей курортного Ревеля и была мумия герцога де Кроа, о которой писали в письмах и Антон, и Софья. Её демонстрировал отдыхающим кистер той самой церкви св. Николая, где покоятся останки предка «барона» Дельвига. С женской кокетливостью пишет Софья Михайловна своей подруге 1 июля 1827 года о посещении гробницы с мумией:

«Там мы видели тело одного герцога де Кроа, выставленное уже 150 лет взорам всех, – за долги он не был погребён. Представь себе, что оно совсем не испортилось, но окаменело. Я его трогала, я снимала его большой парик и мне показывали его собственные волосы. Он совсем не противен. Это человек лет пятидесяти, который должен был быть красив, – это видно, – и очень изящен до сих пор, он покрыт кружевами и его черный бархатный плащ великолепно сохранился, равно как и его белые шелковые чулки и белые перчатки, хотя и разорванные, что происходит от того, что постоянно приходят его смотреть и снимают перчатки, чтобы рассмотреть его руки: они у него очень красивые и длинные аристократические ногти. Думал ли этот бедный старик, что 150 лет после его смерти все будут его тормощить, снимать парик его и колотить в голову. Я так же это сделала: его голова крепка, как камень...»¹³.

История реального герцога де Кроа была не менее романтична и богата удивительными коллизиями. Уроженец Нидерландов, в чьих жилах текла и королевская кровь, легко подписывал соглашения на служение разным монархам. Он успел «повоевать» в датской армии, затем в австрийской и польской. С началом Северной войны, перешёл служить к Петру I. Русский царь, благовеющий перед иностранными «военными специалистами», сразу произвёл его в генерал-фельдмаршалы. Герцог командовал русскими войсками в ноябре 1700 года под Нарвой во время первого наступления

¹³ Цит. по кн. Модзалевский Б.Л. Пушкин (Воспоминания. Письма. Дневники). – С. 169.

на шведские рубежи. Сражение было позорно проиграно, тем более, что сам главнокомандующий де Кроа угодил в плен к шведам. Его доставили в эстляндскую столицу и «под честное слово» позволили свободно проживать в Ревеле. Нисколько не удрученный своим положением пленника, герцог ввязывался во все авантюрные истории: пьянировал, играл в кости, ухаживал за дамами, завел приятельские отношения с богатыми купцами и местной знатью. Главное – у всех брал в долг, обещая расплатиться за счёт своих богатых родственников. Неожиданно для всех герцог де Кроа в 1702 году оставил сей грехиный мир, что повергло в отчаяние многочисленных заемодавцев. Ганзейские купцы решили воспользоваться законом любекского права, по которому должника, не оплатившего счета, не позволялось предавать земле. Они надеялись обменять тело герцога на получение своих вкладов от «знатных и богатых родственников», которые так и не объявились. В ожидании такого обмена горожане придали покойнику «товарный вид»: надели на него богатый камзол, тонкое бельё с кружевным жабо, бархатный черный плащ, на руки натянули белые лайковые перчатки, на голову – папик с косичкой, уложили в богатый гроб. Экзотического покойника поместили в подвал церкви св. Николая. В суматохе городской жизни о почетном «пленнике» вовсе забыли и ... нашли гроб с мумией герцога через 120 лет¹⁴.

Во времена посещения Ревеля столичные курортники обязательным делом считали для себя побывать в известной церкви и взглянуть на мумию герцога. Как мы видим, Антон Дельвиг даже отчитывался перед Н.И. Гнедичем, что выполнил его *приказание*. Не исключена возможность, что Пушкину тоже об этом было доложено. И хотя главным героем его опуса является предприимчивый студент, намек на «занятного покойника» присутствует:

*Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.*

¹⁴ Tallinna legendid. Koostsnud I. Goldman I. Kaldoja P.–Tallinn. 1985. l. 37–38.

Однако, местом, где действовал предпримчивый студент, Пушкин определил город Ригу, считая, что «бароновы кости» могут быть положены лишь там. Образ студента, скорее всего, предполагал представление о городе с академическими традициями. Не трудно заметить, что портрет *мединуса* вполне соответствует дерптскому студенту. Ревель в те времена больше казался средневековой провинцией. У Пушкина до сих пор не было тесных связей с этим городом.

*Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буйн задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам – студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге...*

Пушкинские повествования в стихах всегда представляют большой интерес и в литературном плане, и в бытовом. Как изящно Пушкин в элегии переходит из поэзии в прозу, подчеркивая иронию. Да к тому же, как хорошо можно себе представить церковный склеп, откуда были вынесены кости барона. Обратим внимание, что автор описывает ту же атрибутику церковных захоронений, о которых упоминала Софья Михайловна.

*...Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь –
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;*

*Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря.,
Идут – и эхо гробовое
Смущенное в своём покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тицеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...*

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав своё неудовольствие; к несчастию, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его <...>

...Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслась по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли брать с собою будущего [так в тексте Пушкина – В.Б.], то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нём табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием...»¹⁵.

Действительно, Пушкин подтверждает, что Алексей Вульф привёз череп из Риги, но о причастности к данной истории Николая Языкова, как о том упоминает Андрей Иванович Дельвиг, не говорит ничего. Брат Антона Антоновича писал свои воспоминания на склоне лет. Он многие подробности данной истории мог забыть или перепутать. Бес-

¹⁵ Пушкин А.С. ПСС в десяти томах. Т. 2. – М. 1959. – С.186.

спорно одно: со слов самого Пушкина стала гулять версия, что предки барона Дельвига, согласно баронскому статусу, были захоронены в Риге, в главном храме города, в Домском соборе. Этую мысль повторяет и Софья Михайловна в письме к подруге Карелиной:

«Мысли в прозе – Пушкина, и пьеса под заглавием «Череп», под которой он не пожелал поставить своё имя, – также его. Это послание, которое он написал к моему мужу, при посыпке ему черепа одного из предков, которых у него множество в Риге; вся эта история – правдоподобна»¹⁶.

Знакомясь с «Архивом Н.М. Языкова», куда вошла его переписка с родными за дерптский период с 1822 по 1829 годы, можно обратить внимание, что Николай Языков очень подробно и образно описывал все важные вехи своей студенческой жизни: праздники, увеселения, прогулки, поездки, чаепития и литературные вечера. Он писал о своей поездке в окрестные имения, находящиеся под Дерптом, о поездке в Ревель и Хапсаалу, в Петербург во время каникул. С 1825 года он в приятельских отношениях с Алексеем Вульфом, который приехал из Псковской губернии и поступил учиться в дерптский университет. В письме к матери (от 28 июля 1826 г.) Николай Языков подробно описывает свою поездку с Алексеем Вульфом в Тригорское. В этом путешествии, в июле 1826 года, произошла первая встреча Языкова и Пушкина, которая принесла обоим так много ярких впечатлений. Упоминания о возможности поездки в Ригу или о самой поездке, в письмах отсутствуют. К тому же, это маловероятно по причине «студенческого безденежья». Такая поездка потребовала бы довольно много денег, а во всех письмах к братьям Языков постоянно досадует на недостаток таковых.

Но почему Пушкин «поместил» бренные останки почтенного «барона Дельвига» в подземелье рижского собора, остаётся не совсем ясно. Скорее всего, он соединил воедино

¹⁶ Цит. по кн. Модзалевский Б.Л. Пушкин (Воспоминания. Письма. Дневники). – С. 173–174. (Письмо от 9 февраля 1828 г.)

фантазию о бароновых костях, описанную ему Дельвигом, и конкретный подарок – череп, привезённый ему приятелем Алексеем Вульфом, который действительно часто ездил в Ригу, так как там проживала его кузина Анна Петровна Керн. Но то, что Алексей Вульф действительно мог заполучить череп из какого-либо захоронения в Домском соборе, тоже воспринимается неправдоподобным. Дело в том, что к тому времени, когда «приятель Вульф» мог посещать Ригу, в Домской церкви не осталось склепов-подземелий. Автор этих строк ещё в июне 1998 года обращалась к руководителю научного отдела рижского Домского собора Астриде Пантелей с вопросом: сохранились ли в Домском соборе захоронения, или хотя бы надгробия фамилии Дельвигов? Были получены следующие разъяснения:

«По указу императрицы Екатерины II в 1772 году из городских церквей Лифляндии и Эстляндии должны были быть удалены все склеповые останки, дабы воспрепятствовать распространению эпидемии. Рижские власти выполнили это указание беспрекословно. Из Домского собора могилы убрали, захоронения вывезли на городские кладбища за чертой города, подвалы засыпали. В соборе добавлен был санитарный слой земли, отчего уровень поднялся на 1 м. 10 см.; сделан деревянный пол, часть надгробных порушенных памятников убрали позже, в 1780-х годах. Вывезли всё, что мешало».

К этому можно лишь добавить, что эстляндские чиновники во времена Екатерины II оказались не столь исполнительны в отличие от лифляндских. В Ревеле (Таллине) и в Домском соборе, и в церкви св. Николая захоронения удалось сохранить. Старые средневековые саркофаги и поныне составляют часть художественно-исторических ценностей, заполняющих пространство древних городских храмов.

Летний отдых четы Дельвигов в рыцарском Ревеле больше разбудил пушкинскую Музу.

Бесспорно, Дельвиг живописно поведал своему другу свои ощущения, если при его неповоротливости он всё-таки

проник в какой-либо рыцарский склеп. Так и кажется, что Пушкин сам это хорошо видел, сам испытал дрожь, спускаясь в подземелья средневекового храма. Мы знаем, что побывать в европейских странах и даже в лифляндских и эстляндских губерниях Александру Сергеевичу Пушкину не удалось. Значит, он поэтически переработал впечатления своих друзей, тех, кто делился с ним о том, какие романтические впечатления одолевают, когда попадаешь в край, овеянный средневековой рыцарской стариной. А именно: таким местом для жителей российских столиц были и Рига, и Ревель, и Нарва, и Дерпт. Многие из знакомых могли поведать ему об отличительном своеобразии городов остзейского края. О Риге рассказывали Анна Керн, Алексей Вульф, его сёстры и Прасковья Александровна Осипова-Вульф. О Дерпте – Василий Андреевич Жуковский, Николай Языков. О Ревеле – родители, сестра Ольга, Петр Андреевич Вяземский, Екатерина Андреевна Карамзина и её дочери, супруги Дельвиги.

Между друзьями и позже сохранялся игривый тон, окрашенный средневековым рыцарским каламбуром. Через два года из Болдина в Петербург Пушкин пишет Дельвигу (4 ноября 1830 г.):

«Посылаю тебе, барон, вассальную мою подать, именуемую Цветочную, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не оклеен от сарацинского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестовыми войнами, т.е. бурлаками, то в замке твоём, «Литературной газете», песни трубадуров не умолкнут круглый год...»¹⁷.

Может не случайно и позднее в *вассальной подати* Болдинской осени 1830 года среди маленьких трагедий проходят мотивы, связанные с темой рыцарства, отца-барона, могильных телег и тишины гробов¹⁸. Но и лето 1827 года ока-

¹⁷ Пушкин А.С. ПСС в десяти томах. Т. 9. – М. 1962. – С. 362.

¹⁸ В «Маленьких трагедиях» – «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Пир во время чумы».

залось для Пушкина весьма плодотворным. Забравшись в «свой рабочий кабинет», село Михайловское, он начал активно писать. Его стала интересовать историческая тема и всё, что связано с родословными корнями. Случайное ли совпадение, что в тот же день, 31 июля 1827 года, когда было написано письмо Дельвигу в Ревель, цитируемое выше, Пушкин приступил к написанию романа «Арап Петра Великого» о своём предке Абраме Петровиче Ганнибале, судьба которого тоже была связана с Ревелем. Удивительным совпадением является и то, что предки самого Пушкина покоились на бывшем погосте этой же церкви св. Николая, о чём свидетельствуют записи в церковных книгах. Прапрадед писателя, Маттиас Иоганн фон Шёберг, отец жены А.П. Ганибала, Кристины Регины, захоронен на церковном кладбище в 1742 году. Брат ее, Георг Карл фон Шёберг, захоронен там же в 1757 году¹⁹.

Стихотворное утверждение Александра Сергеевича, что высокородные предки его друга Дельвига были похоронены в одном из рижских соборов, были или ненамеренной ошибкой, или изящной шуткой. К сожалению, это «Послание» вводит некоторых исследователей в заблуждение. Так, в латвийском журнале «Mvjas Draugs» за 1939 год автор, подписавшийся инициалами «В.Л.», анализируя данное произведение Пушкина, все события, изложенные в нем, точно связывает с рижским собором, так как «именно в Домском соборе со второй половины XV века передавали земле самых именитых рижан». Латышские исследователи не сомневаются в рижской версии стихотворения²⁰. Однако родовая поколенная роспись доказывает обратное: род Антона Антоновича Дельвига был связан с Эстляндиеи, с Ревелем. А в Риге вполне когда-то могли стать непробудимым сном другие Дельвиги.

¹⁹ Leeč G. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. – Таллин. 1980. – С. 92.

²⁰ Инфантьев Б. Лосев А. Латвия в судьбе и творчестве русских писателей. – Рига. 1996. – С. 227.

Правда и то, что рыцарские древности не разбудили заспанную музу Антона Дельвига. Он не посвятил средневековой теме ни одной поэтической строчки. Его больше вдохновили военные манёвры в ревельской бухте. Под впечатлением увиденного в Ревеле в 1827 году был написан лишь один «Сонет»:

*Что вдали блеснуло и дымится?
Что за гром раздался по заливу?*

.....
*Нет, то флот. Вот выплыли ветрилы,
Притекли громады за громадой;
Наши орёл над русскою армадой
Распростёр блестательные крылы
И гласит: «С кем испытать мне силы?
Кто дерзнет и встанет мне преградой?»²¹*

Проводя большую часть своего курортного отпуска поблизости моря, в парке Катриненталь, Антон Дельвиг отдал дань поэтического вдохновения патриотическим эпическим строкам.

Всё-таки он был поэтом, и Пушкин его поэзию очень ценил. Даже в своем шуточном «Послании Дельвигу», которое потом стали именовать «Элегия», он утверждает, что в отличие от средневекового крепкоголового рыцарского барона Дельвига его Антоша был поэт, увенчанный славой:

*...И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, мirtами венчанной,
В очках и с лирой золотой».*

Именно таким мы знаем А.А. Дельвига, лицейского друга А.С. Пушкина, по акварельному портрету, написанному в Ревеле в июле 1827 года местным художником К.Шлезигером. Парные портреты молодых супружеских Дельвигов, Анто-

²¹ Дельвиг Антон. Призвание. Стихотворения. – М. 1997. С. 263.

на Антоновича и Софьи Михайловны, передают настроение счастливого времяпрепровождения на ревельском курорте. Лица их открыто смотрят на зрителей из позапрошлого века, которое мы именуем «пушкинским веком». К тому же, в этот период они с Пушкиным размышляли о своих пращурах. Летом 1827 года Пушкин начал работать над историческим романом. Главным героем своей Автобиографии и романа «Арап Петра Великого» Пушкин считает черного предка, Абрама Петровича Ганнибала. По сохранившимся черновикам, известен день, когда рукою Пушкина была проставлена дата начала работы: 31 июля 1827 года. Это тот самый день, когда было написано письмо Антону Дельвигу в Ревель. Получив описание о посещении подземных склепов церкви св. Николая с предками Антона Антоновича, Пушкин невольно вспомнил и о своих. Хотя он вряд ли мог знать, что в этой же церкви отпевали его далеких и давних родственников из семейства Шёберг и Роткирх. Пушкинские слова о «странных сближениях» вновь гениально попали в цель.

Феликс Кильцов

пушкиноведением занимался с 1992 года. Имеет более ста публикаций на пушкинскую тематику в научных и художественных изданиях, в том числе за рубежом (Польша, Германия, США). Автор книг «Я сам обманываться рад» (1999), «Пушкин. Взгляд из зарубежной России» (2005), «Кофеинный портрет» (2006). С 1988–2010 гг. возглавлял Калининградское областное общество почитателей Пушкина. Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Кант и Пушкин: отношение к революциям

Иммануил Кант органически не воспринимал любые виды насилия в процессе развития государства, смены власти и т.п. Он говорил, что наилучшим строем является такой строй, «где власть принадлежит не людям, а законам <...> если только ее испытывают и проводят не революционным путем, скачком, т.е. насильственным ниспровержением существующего до этого неправильного строя (ибо в этом случае вмешался бы момент уничтожения всякого правового состояния), а путем постепенных реформ...». Кантовская эволюционная теория развития одним из основных принципов включает закон непрерывности, который отрицает всякий скачок, пробел или пропасть между двумя явлениями. Процесс социального развития понимается Кантом как эволюция от первобытно-животной природы человека к морально-добрым его качествам. Отсюда и его критерий социального развития – показатель, характеризующий постоянное возрастание морального фактора в человеке, приближающееся со временем к категорическому императиву.

Говоря о революции, Кант видит ее не как глубокий социально-экономический переворот, качественно перестраивающий всю структуру общества, а, прежде всего, политico-правовой акт, незначительно влияющий на его научно-тех-

нический и социальный прогресс. Он убежден в том, что «посредством революции можно, пожалуй, добиться устраниния личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу мыслей». Бунт в существующем государстве Кант рассматривает как «ниспровержение всех основанных на гражданском праве отношений, а стало быть, ниспровержение всякого права, т.е. это не изменение гражданского строя, а его уничтожение и затем переход к лучшему строю, что представляет собой не метаморфозу, а палингенез, требующий нового общественного договора, на который прежний договор (теперь уже недействительный) не имеет никакого влияния».

В «Метафизике нравов» Кант высказывает мнение о том, что правовое состояние в государстве возможно лишь в том случае, когда народ подчинен «устанавливающей всеобщие законы воле», а значит, у него нет никакого права на возмущение, тем более – на восстание. Из этого вытекает то, что народ не имеет права посягать на свободу и жизнь монарха «под предлогом, что он злоупотребляет своей властью». Малейшую попытку в этом направлении он считает государственной изменой, а, следовательно, такой изменник «может караться только смертной казнью как за попытку погубить свое отечество».

Обязанность народа, по мнению Канта, терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми. Впрочем, если революция все-таки удалась, то неправомерность самой революции, по мнению Канта, не освобождает подданных от обязанности подчиняться новому правительству и внедряемому им новому порядку.

Как же в таком случае совершенствовать правовое государство, если очевидны просчеты монарха или правительства? Выход Кант видит в парламентском разрешении всех спорных вопросов, когда «народ через своих представителей (в парламенте) может законно противиться исполнительной власти и ее представителю (министру)». Он категори-

чески против того, когда активное сопротивление правительству или монарху осуществляется с помощью объединенных групп людей, тем более – добивающихся своей цели вооруженным путем.

Великая французская революция 1789–1794 гг. заставила Канта переосмыслить некоторые свои принципиальные взгляды на сопротивление народа правительству, монархии. С одной стороны, он восторженно приветствовал все события, происходившие в революционной Франции, жадно поглощая всю информацию, поступающую оттуда. Тема Французской революции стала одной из доминирующих, обсуждаемых в кругу коллег и друзей. Он не смог избежать существенного воздействия революции и на свое творчество. В трудах «О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793), «К вечному миру» (1795), «Метафизические начала учения о добродетели» (1797) Кант не только объявляет неправомерным весь феодальный строй, но и научно обосновывает необходимость буржуазно-демократических преобразований. Элементы «прирожденной свободы», утверждаемой Кантом, стали вполнеозвучны основным положениям революционных документов: требования категорического императива права: «поступай так, чтобы твоя свобода могла сосуществовать со свободой всех», – полностью тождественна шестой статье французской конституции 1793 г.: «Свобода – это принадлежащее человеку право делать все, что не вредит правам другого».

С другой стороны, Кант продолжает отстаивать свое мнение о неправомерности насилиственного свержения власти: «Если даже власть или ее исполнитель, глава государства, нарушит первоначальный договор и тем самым, по мнению подданных, утратит право быть законодателем, так как уполномочивает действовать правительство совершенно насилиственno (тиранически), то все же подданному не разрешается никакое сопротивление как ответ насилием на насилие». Кант убежден в том, что, добиваясь насилиственным способом своего права, народ совершает величайшую несправед-

ливость, ибо этот способ делает ненадежным всякое правовое устройство и приводит к состоянию полного отсутствия законности.

Определяя любое восстание как незаконное, противоправное, Кант, тем не менее, соглашается с результатами революции, достигнутыми насильственным путем: «Если права народа попраны, то низложение его (тирана) будет справедливым». Однако, осуждая революцию, как и любое другое насилие, Кант уже не столь категоричен в вопросе о наказании нарушителей закона, как это было в «Метафизике нравов»: «Но если бы даже бурей революции, вызванной дурным устройством, было бы неправомерно достигнуто более законособразное устройство,— говорит он, — то и тогда нельзя считать дозволительным вернуть народ к прежнему устройству, хотя при этом устройстве каждый, кто прибегал к насилию, по праву мог бы быть наказан как мятежник».

Исторический опыт Французской революции, изученный Кантом, показал ему, что революция не привела к торжеству добра и справедливости, которых он так ожидал. Он стал свидетелем неожиданного результата: смена всей системы политico-правовых отношений, достижение политических свобод было достигнуто крайней жестокостью и моральной деградацией общества, хотя все это и привело к формальному равенству людей. И это последнее оправдывало во мнении Канта оптимистическую оценку революции.

По мнению И.Ф. Абрамовой, Кант оставался идеалистом по отношению к Французской революции, стремящимся к просветительству и постепенному нравственно-правовому совершенствованию общества, которое в идеале должно было бы происходить путем реформ, проводимых главой государства; однако даже ему уже было очевидно, что сильные мира сего не будут особенно стремиться к выполнению своего нравственного долга, из чего вытекала закономерность и неизбежность революций.

Противоречие Канта, отмеченное многими учеными, П.Н. Галанза объяснял тем, что «языком Канта говорил страх перед плебейской расправой с феодалами, проведенной во Франции, на который накладывается общее усиление политической реакции в самой Пруссии».

Обратимся к раннему Пушкину. Если для Канта Великая французская революция была, можно сказать, единственным крупным революционным событием, осуществившимся на закате его жизни и внесшим серьезные сомнения в сложившиеся ранее взгляды на революционные движения народов, то весь век Пушкина был веком народных волнений и революций, которые не только глубоко интересовали поэта, но и формировали его отношение к ним, постепенно совершенствуя и изменяя его взгляды от юношеского восторга до осуждения.

Время его учебы в лицее совпало с подъемом общественного мнения, связанного с победоносным завершением Отечественной войны и заграничных походов 1812–1814 годов. Феодальная Россия вступила в противоречие с рождающимися в ней буржуазными отношениями. Получалось так, что народ, освободивший Европу от порабощения, сам оставался под крепостническим гнетом. Передовая часть дворянства не могла мириться с этим положением. В стране стали появляться политические организации, основным требованием которых на первоначальном этапе стало – отмена крепостного права. Эта идея подогревалась мощной теоретической поддержкой распространившегося по всей Европе учения Иммануила Канта и его последователей, проникавшего в Россию через многочисленных представителей русского дворянства, получивших образование в университетах Германии, зараженных в своем большинстве идеями кенигсбергского философа.

Вся эта обстановка не могла не отражаться в лекционных курсах молодых лицейских профессоров-геттингенцев. Именно здесь, в лицее, Пушкин впервые мог услышать в откровенных беседах крамольные мнения своих учителей о государственных переворотах в России, о революции во Фран-

ции. Знакомство с гусарами, вернувшимися после походов в Европу на зимние квартиры в Царское Село, возникшие дружеские связи с Чаадаевым, Кавериным и т.д., свободные обмены мнениями на «вольные темы» формировали в сознании Пушкина двоякое мнение о революции. С одной стороны, победа революции во Франции возбуждала некоторые симпатии своими гражданскими лозунгами, великими принципами, воплощенными в первом программном документе – «Декларации прав человека и гражданина» (1789), провозгласившей законными все естественные и неотъемлемые права человека, каковыми считались «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению», и последующих за ней демократических конституциях 1789 и 1791 годов, воспитывая протестные отношения к некоторым внутренним проблемам собственного государства. С другой стороны, резко осуждался плебейский характер ее, в котором личная независимость, по красноречивому высказыванию С.С. Ланда, приносилась в жертву общему делу, когда свобода общего легко оборачивалась деспотизмом над частным. Вполне естественно полагать, что в сознании шестнадцатилетнего лицеиста Пушкина с его юношеским максимализмом какое-то время могла преобладать идея революции. Уже в 1815 году в стихотворении «К Лициию» он впервые выражает свои сокровенные мысли наружу. Обращаясь к духу Древнего Рима, он делает попытку выразить свое отношение к окружающей его действительности:

*... О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?*

Заканчивая стихотворение, Пушкин как бы угрожает Риму за его «злодеяния» и «разврат». Предвидя «грозного величия конец», он возлагает надежды на приход «народов юных, сынов свирепой брани», которые положат конец царству разврата и рабства:

*О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мищенья, наказанья.*

*Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенная венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны дланы,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящую рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим восрос, а рабством погублен».*

Здесь он еще допускает вооруженное свержение деспотизма во имя свободы народа, предвидя «день миценя, наказанья».

После окончания лицея Пушкин с головой окунается в либеральную жизнь Петербурга. Тесные контакты с Чаадаевым, Вяземским, братьями Тургеневыми, особенно с Николаем, участие в заседаниях «Зеленої лампи», этой преддекабристской организации, работающей по уставу Союза Благоденствия, – все это усиливает его политическую настроенность против существующих порядков.

В молдавской ссылке это настроение поддерживается вспыхивающими почти одновременно революциями в Неаполе (1820–1821) и Пьемонте (1821), в Испании и Португалии (1820–1823), жестоко подавленными австрийскими и французскими войсками по решению Священного союза. В сентябре 1821 года Мексика заявила о своей независимости от испанского колониального владычества, а в августе 1822 года вышла из португальской зависимости колониальная Бразилия, уничтожив инквизицию и провозгласив конституцию.

В Петербурге полным ходом идет организация и реорганизация тайных обществ, а дом командира 16-й дивизии графа М. Орлова, где частым гостем бывает Пушкин, превращается в штаб заговорщиков, сочувствующих этеристам – членам тайного политического общества местных патриотов Греции, готовивших восстание против турецкого ига. В ноябре 1820 года в этом доме Пушкин знакомится с флигель-

адъютантом Александра I генералом Александром Ипсиланти, возглавившим подготовку народно-освободительного движения. С его младшими братьями, адъютантами прославленного генерала Н.Н. Раевского, он знаком еще с лицейских дней. В доме бессарабского гражданского губернатора К.А. Катакази Пушкин знакомится со многими этеристами, из первых уст узнает о проблемах угнетенного народа, о планах этеристов, становится свидетелем подготовки восстания. Как единоверцы россиян, этеристы надеются на помощь России и, в частности, на поддержку 16-й дивизии. Будучи в гостях у семейства Давыдовых в Каменке, поэт встречается с будущими декабристами, не подозревая еще о существовании тайного общества, вступает с ними в дискуссии, много спорит.

В феврале 1821 года А. Ипсиланти вторгается в турецкую Валахию и публикует в Яссах свое воззвание «В бой за веру и отчество». Возвратившись из Каменки в Кишинев, Пушкин, ознакомившись с событиями в Молдавии и Румынии, пишет Давыдову «подробный отчет»: «Греция восстала и провозгласила свою свободу. Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля нынешнего года вышел из Бухареста с малым числом вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительств турецких начальников, что они решились освободить себя от ига незаконного, что намерены платить только подати, наложенные правительством <...> 21 февраля князь Александр Ипсиланти с двумя из своих братьев и с князем Кантакузеном прибыл в Яссы из Кишинева... Он был встречен тремястами арнаутов, князем Суццо и русским консулом и тотчас принял начальство города. Там издал он прокламации, которые быстро разлились повсюду, – в них сказано, что Феникс Грёции воскреснет из своего пепла, что час гибели для Турции настал и проч. <...> Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету – к независимости древнего отечества <...> Важный вопрос: что станет

делать Россия; займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?»

Такое восторженное принятие революции, характерное для юного поэта, со временем начинает вызывать его глубокий интерес к этим выступлениям. Его кумиром становится Байрон, пожертвовавший жизнью ради счастья и свободы чужого ему народа. В голове поэта зарождается мысль о присоединении к восставшим. Но события заканчиваются трагическим поражением, вызвавшим у поэта глубокое разочарование и в восставшем народе, и в руководителях восстания.

В этот период Пушкин все больше думает о России. Он резко выступает против крепостничества, публично ругает все сословия, называя «почтенными» лишь земледельцев. В августе 1822 года он пишет «Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; ныне же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян». Но он уже не хочет, чтобы эта проблема решалась революционным путем: «...желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы».

О его отношении к революции во Франции можно судить по исторической элегии «Андрей Шенье», написанной летом 1825 года, в пору его освобождения от «крамольных» мыслей юношеского максимализма. В этом стихотворении нетрудно угадать мысли самого автора, иногда перевоплощающегося в героя произведения, его отношение к трагическим результатам Французской революции. Андре Шенье, приговоренный революционным правительством к гильотине, выведен Пушкиным как проповедник свободы, бросающий вызов своим палачам. Пушкин воспеває того, кто смело поднял свой глас против зверств Французской революции, против тиарии правительства Робеспьера:

*Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.*

*Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.*

Воспитанный на идеях энциклопедистов, Андре Шенье с радостью воспринял революцию 1789 года, искренне уверовав в спасительность конституционной монархии во Франции. Он был противником всякой политической и социальной ломки государственного строя и, тем более, вмешательства народа в политические события, ведущие к ней, ненавидел абсолютную монархию и федеральные привилегии, не допускал мысли о возможности иностранной интервенции. Но произошло именно то, чего он больше всего боялся. Обострение противоречий, уличные бои на баррикадах, непрекращающаяся борьба за власть, ежедневные казни неугодных под одобрительный рев толпы – все это вызвало ярое сопротивление Андре Шенье правительству Робеспьера. Он публикует ряд статей в умеренной газете «Journal de Paris», изобличая тиранию якобинцев, обрушивает свой гнев на народные общества, сколотившиеся из правого крыла членов Якобинского клуба. Высмеивает Колло, Дербуа, Бриссо, изобличает Марата как проповедника насилия и тирании. И в то же время восхваляет убийцу Марата Шарлотту Корде как защитницу свободы:

*Спокойная на эшафоте, ты презирала ярость народа
Гнусного, раболепного, склонного к оскорблению,
Все еще воображающего себя свободным и
самодержавным.
(перевод с французского)*

Сравним с пушкинскими строками из элегии «Андрей Шенье», в котором как бы продолжается тема приведенного выше трехстишья французского поэта:

*Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет – не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас...*

Еще ранее, в 1821 году, будучи сосланным в южную ссылку, Пушкин, знакомый с творчеством Андре Шенье (по утверждению Б. Томашевского, с 1819 года), пишет свой знаменитый «Кинжал», в котором воспевает убийцу Марата Шарлотту Корде под именем Эвмениды, совершившей справедливый суд над тираном по приговору «вышнего (читай – божьего) суда» :

*Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду!*

В стихотворении «Андрей Шенье» Пушкин, воспевая подвиг французского поэта, вновь обращается к его стихам, воспевающим Шарлотту Корде:

*Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!*

Цензура вычеркивает из пушкинского стихотворения большую часть, где автор дает краткий обзор революционных событий во Франции, начиная от клятвы членов Генеральных Штатов до якобинской диктатуры в Конвенте, сопоставляя все с современными событиями в России.

Стихотворение «Андрей Шенье» вышло в сборнике 30 декабря 1825 года, через две недели после декабрьского восстания и быстро разошлось в списках. До Николая I оно дошло под названием «На 14 декабря», приписываемом Пушкину. Здесь налицо явный подлог заинтересованных лиц, использовавших подходящие под остроту момента стихи поэта без его на то воли. Они-то и стали причиной неприятных для Пушкина разбирательств, длившихся довольно продолжительное время. Поэту пришлось потратить немало усилий, доказывая несправедливость выдвинутых против него обвинений. В конце концов, разобравшись, комиссия прекра-

тила преследования. В общем-то, она была не против изобличения тирании в лице якобинцев. Возвеличивание же Андре Шенье тоже не вызывало у них подозрений: ведь о нем было известно, что он выступал защитником Людовика XVI.

Весть о декабрьских событиях в Петербурге Пушкин встретил в Михайловском. Его отношение к ним при советском режиме цитировали по воспоминаниям М. Корфа, с лицейских лет не терпевшего Пушкина. По Корфу, на вопрос Николая I: «Что бы вы делали, если бы 14 декабря были в Петербурге?» – поэт ответил: «Стал бы в ряды мятежников». Такой ответ очень устраивал коммунистов, он беспрекословно причислял поэта к стану революционеров. Совсем другую интерпретацию этого разговора дает в своих воспоминаниях А.Г. Хомутова, которой Пушкин лично рассказывал о беседе в Чудовом дворце. По ее версии, Пушкин ответил: «Неизбежно, Государь: все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за это Небо». Как видим, различия существенная.

В этом ответе нет ничего, что подтверждало бы единомыслие поэта с декабристами, что он якобы разделял с ними свои убеждения. Зато есть хвала «Небу», спасшему его от участия в этих событиях. Только стремление разделить участь своих друзей могла бы заставить его присоединиться к ним. Здесь социальная дружеская, но, отнюдь, не идеологическая.

Позже он вспомнит об этом в своих стихах:

*Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей...*

Подобно Канту, причину «многих печальных истин», имея в виду, прежде всего, декабрьское восстание в Петербурге в 1825 году, Пушкин видит в «недостатке просвещения и нравственности» мятежников. Именно это, по его мнению, стало причиной того, что многие молодые люди были вовлечены в преступные заблуждения, революция для которых стала

«предметом замыслов и злонамеренных усилий». «Воспитание, – пишет он, – или, лучше сказать отсутствие воспитания есть корень всякого зла... одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия». Пытаясь каким-то образом объяснить монарху причину восстания дворян против самодержавия и этим самым как-то воздействовать на его милосердие по отношению к тем, кто разделяет с ними свое мировоззрение, он пишет в записках «О народном воспитании»: «Ясно, что походам 13 и 14 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой – необъятную силу правительства, основанную на силе вещей».

В черновиках записок мы читаем, что эти «заблуждения», связанные с государственным переворотом, «у нас еще не требуемые ни духом народа, ни общим мнением [еще не существующим], ни самой силой вещей [несчастные представители сего буйного и невежественного поколения погибли]».

Свое отношение к тайным обществам поэт обобщает в своих Замечаниях: «Сказано *Les societes secrets sont la diplomatie des peuples* (Тайные общества – дипломатия народов (франц.). Но какой же народ вверит права свои тайным обществам, и какое правительство, уважающее себя, выйдет с оным в переговоры?». И, в конце концов, на закате своей жизни Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» приходит к выводу, характеризующему его окончательное умозаключение по поводу восстаний и революций: «...должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильтвенных потрясений политических, страшных для человечества...».

Говоря о событиях 1825 года, Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» поет осанну немецкой фило-

софии (читай — идеям Канта в т.ч.), которая, по его мнению, сыграла положительную роль в удалении российской молодежи от революционного угаря: «Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения».

Таким образом приведенное выше сопоставление взглядов на революции кенигсбергского философа Иммануила Канта и Пушкина наглядно показывает их эволюцию, развивающуюся во встречных направлениях. Если Кант шел от полного отрицания революций к возможному допущению их, то Пушкин – наоборот: от восторженного восприятия до полного отрицания.

Валерий Болтунов

более 25 лет занимается пушкиноведением, выпустил 2 книги художественной прозы и 4 книги о творчестве Пушкина, в том числе «Слово о Пушкине», 2003 г., «Словарь афоризмов А. С. Пушкина», 2004 г., «Пушкинский мир», 2006 г. в 2008 году монографию «Пушкин. Биографы и мемуаристы»

Пушкин: прорыв в современность

Статья вторая¹

Предюбилейные статьи и речи обычно имеют тот минус, что там дежурные, «к дате», мысли, высказанные второпях, не ведут к каким-либо серьёзным размышлениям и выводам. И после юбилейного в пушкинистике 1999 года наступила интеллектуальная пауза. Книги, появление которых подстегнули юбилейные торжества, выходили, но темы их относились, скорее, к маргинальным, чем к сколько-нибудь концептуально значимым. Таковы, например, многочисленные публикации о потомках поэта. А уж работ с единственной склонностью к скандальности несть числа².

И следующий юбилей в 2009 году стал бледным, провальным в пушкинистике. В общем, безрыбье... И своему непрофессиональному взгляду на «безрыбье» я нашёл подтверж-

¹ Статья первая опубликована в «Пушкинском альманахе» № 8. – Новосибирск, 2010.

² Так, до сих пор «раскрываются» всё «новые тайны» гибели поэта – «Загадка ухода», «Пушкин в западне», «Роковые тайны окружения Пушкина». Режется *правда-матка* по поводу личной жизни поэта – «Пушкин без глянца», «Непричёсанная биография» «Дуэль с пушкинистами». Как карточные марьяжи, мелькают названия книг: «Дантес и Гончарова», «Пушкин и Долли Фикельмон», «Пушкин и Натали». Вы спросите, где же «Наталья Николаевна и царь»? А это – в «Загадке ухода» во всей своей однозначности, и Дантес при этом служит только прикрытием!

дение у Ирины Сурат при презентации ею своей новой книги «Вчерашнее солнце» на канале телевидения «Культура».

Пессимизм автора в той передаче, оказывается, исходил из предисловия к этой книге: «не могу не видеть разрыва в нашей пушкиноведческой традиции, потери преемственности... собственно пушкинистика как передовая школа филологии затухает»³. Конечно, «разрыв» И. Сурат видит в пушкиноведении, т.е. в научном осмыслинении творчества поэта, а мы-то печалимся о «прикладном» – о духовно-нравственном присутствии Пушкина в современности.

Правда, Сурат отмечает отсутствие в пушкинистике «отражения всем очевидных социокультурных процессов» и то, что «национальный гений теперь счастье для немногих». Но, с одной стороны, Пушкин «существует в другом измерении», – пишет она, с другой – «реально среди нас существует, независимо от того, признаём мы это или нет» (*Курсив мой. – В.Б.*). Тогда не совсем ясно, почему Пушкин – солнце «вчерашнее»? В унисон этому вспоминается дикое откровение – «Пушкин безнадёжно устарел», которое было предложено в качестве посыла для дискуссии на телевидении как раз в годы пушкиноведческого безвременья (в 2003 году).

И может быть, «вчерашнее солнце» у И. Сурат – не констатация, не уныние по поводу сегодняшнего пушкинского «измерения», но только авторский эпатаж, призванный задать за живое хотя бы немногих, привлечь к основному содержанию книги с таким названием...

К сожалению, в российском обществе не востребовано то, чем в первую очередь современен Пушкин – «томление» человека «духовной жаждою», т.е. работа души – работа в направлении целеполагания своего существования. Пушкин определил его просто:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Страдание – здесь, конечно же, не физическое страдание при болезни или насилии. Это – страдание на пути духов-

³ Сурат И.З. Вчерашнее солнце. – М., 2009. – С. 7.

ных поисков, которые так сложны среди всех жизненных реалий.

Вопрос – какие жизненные реалии уводят нас от духовной работы? Конечно же, материальные проблемы и связанные с ними вопросы политики. Политика, она всё – и экономика в своём «концентрированном выражении», и идеология. Такое положение существовало и во времена Пушкина, оно накладывало свой отпечаток на личную жизнь поэта, но он, его творчество вырывались из пут «брюховного» и казённо-идеологического, хотя этот пресс, как мы знаем, стал в конце концов для него запредельным. Но всё же Пушкин оставался духовным борцом и пророком, и этот его опыт как раз очень важен для нас. Опыт запечатлён в его мыслях и спорах с оппонентами по поводу предназначения России.

Планка этого предназначения была им высоко поднята в ответе на первое Философическое письмо, в котором история России представлялась П.Я. Чаадаевым только как цепь «дикого варварства», «грубого невежества» и «чужеземного владычества, дух которого потом унаследовала наша национальная власть»⁴. На что Пушкин возражал, что со схизмой (разделением церкви на западную, католическую, и православную) Россия получила *своё культурно-историческое развитие – «у нас было своё особое предназначение*. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие, и «христианская цивилизация была спасена... нашим мученичеством»⁵. Пушкин поправлял Чаадаева – не стоит укорять восточных славян, что они потом, после освобождения от ига, не предприняли должных усилий по впитыванию ценностей европейской цивилизации, а были способны, по мнению Чаадаева, к робкому подражательству. Да и были ли духовные ценности, что утверждались католичеством, универсальными и обеспечивающими столь лелеемый Чаадаевым прогресс?

⁴ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник, 1987. – С. 37.

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 16. – М., 1997. – С. 115, 392 (пер. с франц.).

Надо сказать, что резкая критика Чаадаева в адрес современной ему России имела полемический характер, т.е. его «западничество» нарочито вызывало споры, которые должны были высветить истину⁶. На это обратил внимание биограф и исследователь творчества Чаадаева Б. Тарасов: «Уже в первом Философическом письме налицо расплывчатые отклонения от пафоса «негативного патриотизма»⁷. И еще до опубликования письма «безумного» в одном из посланий к А. Тургеневу Чаадаев замечал: «Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы»⁸.

Не соглашаясь с приписываемым ему безумием, Чаадаев уже в следующей работе приходит к выводам об «особом предназначении» России, о предназначении, можно сказать, по Пушкину: «...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества»⁹ («Апология сумасшедшего». 1837 год, когда Пушкин уже пал на дуэли).

Призвание России, писал Чаадаев, предвосхищая во многом идею русской всечеловечности Достоевского, – «дать в своё время разрешение всем вопросам, возбуждающим спо-

⁶ После официального признания Чаадаева сумасшедшим он подписывался в письмах – «Безумный», подчёркивая тем самым выход своего мышления за рамки общепринятых суждений.

⁷ Тарасов Б. П.Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М.: Современник, 1987. – С.16.

⁸ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – С. 220.

⁹ Там же. – С. 143.

ры в Европе»: «пророчество... поручило нам интересы человечества... в этом наше будущее, в этом наш прогресс...»¹⁰.

«...Новые изыскания, – писал он, имея в виду исследования славянофилов, – познакомили нас со множеством вещей, остававшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге»¹¹. Со дня написания этих слов прошло более полутора столетий. К сожалению, то, что было «совершенно ясно» Чаадаеву и Пушкину, кануло в Лету, и Россия, «задрав штаны», бежит сейчас за европейским рынком, курсом глобализации и т.д., всё пытаясь кого-то и в чём-то догнать и перегнать. И здесь главный вопрос – в чём догонять?

Существует понятие «общечеловеческие ценности», это ценности, вынесенные в процессе социокультурного развития в знаменатель большинством субъектов культуры независимо от их принадлежности к тому или иному культурно-историческому типу, это ценности, выкристаллизовавшиеся в обществе, хотя его составляют люди такие, казалось бы, разные. Но что-то у них у всех есть единое, универсальное... Это душа, духовность.

Именно духовность, или по-другому – идеалы, определяют жизненные ценности, называемые общечеловеческими, совесть, сострадание, любовь к родине... Эти ценности лежат в основе поступков человека в любых жизненных ситуациях, при любых испытаниях, даже на войне. Тут показательна строка Пушкина из стихотворения «Клеветникам России» – «Врагов мы в прахе не топтали», говорящая о том, что даже человеку-воину должно быть милосердным с обезоруженным им противником.

Что же такое «русская духовность», как воспринималась она во времена Пушкина, как понималась она позже и понимается пушкинистами сейчас? Философ Л.И. Шестов ещё в

¹⁰ Там же. – С. 217.

¹¹ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма: В 2 т. – М., 1913-1914 – Т. 2. – С. 267.

конце пушкинского века писал: «Там, в Европе, лучшие, самые великие люди не умели отыскать в жизни тех элементов, которые бы примирили видимую неправду действительной жизни с невидимыми, но всем бесконечно дорогими идеалами, которые каждый, даже самый ничтожный, человек вечно и неизменно хранит в своей душе. Мы с гордостью можем сказать, что этот вопрос поставила и разрешила русская литература, и с удивлением, с благоговением можем теперь указать на Пушкина»¹².

Очевидно, что прорыв Пушкина в современность должен быть связан с «исследованием духовного мира» поэта. Этому были посвящены работы В.С. Непомнящего в конце прошлого века. Но общественное сознание той, переломной для России, эпохи формировали достижения материальной культуры, при этом духовная культура была оттеснена на *обочину*.

Ещё одно обстоятельство сыграло здесь роль – духовный мир и духовное богатство личности, как и призыв В.С. Непомнящего к исследованию её на примере изначального в нашей духовной культуре – творчества Пушкина, связывавшись единственно с религиозным сознанием, остающимся далёким для тех, кто живёт, гордясь своим бытовым атеизмом. Но духовная культура общества и отдельной личности заключает в себе понятия намного шире религиозных, тут наши представления просто деформированы идеологией советского периода. Хотя, как к тому подводит современная телеология культуры, на пути духовного возрождения нам не обойтись без *десекуляризации* общественного сознания, т.к. духовная свобода личности в условиях материалистического пресса невозможна без метафизического взгляда на мир, без прикосновения к его сакральности. Эта особенность была ранее также замечена: «Мир Пушкина, особенно зрелого, полон священных смыслов, это, вероятно, самый сакральный из всех созданных светской литературой художествен-

¹² Шестов Л.И. А.С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С. 197.

ных миров»¹³ – хотя этот мир реализуется им преимущественно на светском материале.

В.С. Непомнящий раскрыл сакральность современного нам мира через художественный мир Пушкина. Этот мир «покоится на основании, положенном исповеданием и культурой допетровской Руси»¹⁴. Эта несколько неожиданная мысль смыкается со взглядом Пушкина на фигуру Петра I, взглядом на тот момент, когда он отложил работу над Историей Петра¹⁵, остановившись перед той правдой, что открывалась ему. А правда состояла в том, что «революция Петра», как назвал Пушкин реформы начала XVIII века, принесла России в конечном итоге (в итоге XX века, который предвидел гений) больше бед, нежели благ, без которых она не смогла бы существовать. Дело даже не в жертвах, принесённых на алтарь благоденствия страны, не в физических страданиях, испытанных ею на *дыбе*, дело – в разрушении самого стержня российской духовной культуры.

Категоричен на этот счёт В.С. Непомнящий: «Внутренним, духовным сопротивлением и ответила Россия на попытку царя-преобразователя преобразовать ее душу и идеалы. Рана была нанесена, нужно было ее залечить, восстановить нарушенную петровской революцией духовную преемственность и национальную культурную родословную – чтобы уйти от опасности уподобления, равной опасности исчезновения». И явление Пушкина, считает он, «помогло нации сохранить, удержать себя «над самой бездной», связать «концы» своей духовной истории, разрубленной петровской революцией, и воссоединить эту историю в целое – теперь уже

¹³ На эту тему – книга М. Новиковой «Пушкинский космос». – М. : Наследие, 1995.

¹⁴ Непомнящий В.С. Русская картина мира. М.: Наследие, 1999.– С. 479.

¹⁵ Неудачу с Историей Петра первым отметил П.В. Анненков: «Главной силой, разрушившей планы Пушкина, были именно политические и общественные идеалы его, которые не уместились в рамках, официально заготовленных для них. См.: Анненков П.В. Общественные идеалы А.С. Пушкина. // Пушкин в Александровскую эпоху. – Минск, 1998. – С. 257.

тысячелетнее... То, что Петр разъединил и разрушил в русской культуре, воссоединил и восстановил Пушкин» (курсив мой. – В.Б.).

Далее Непомнящий протягивает нить в современность, в наш век: «Второй раз в истории России ей предлагается бросить свой крест и начать жить «как люди»; второй раз совершается покушение на ее *внутреннее*, на духовный и душевный строй и систему ценностей, продолжающие, невзирая на наше отступничество, определять наше самостоянье; второй раз предпринимается попытка заставить Россию освободиться в общем беге к пропасти, научить ее не «созерцать и судить» мир и себя самое, не озираться вокруг, не сомневаться в необходимости наживать «палаты каменные», не погружаться в раздумье, не жить, не мыслить, не страдать — а перейти на *другие обороты*, чтобы в их бешеном мелькании как-нибудь расплылась, размылась, сгинула и не мешала прогрессу «русская духовность»¹⁶.

Право, не хочется пересказывать своими словами не только то, что пронзительно сказано В.С. Непомнящим более десятилетия назад, но и то, что выстрадано русской философией в первой половине прошлого века. Так, Иван Александрович Ильин, осмыслия первый провал в духовной культуре России 1917 года, находил две причины революции — притязания людей на всеобщую материальную уравнительность и «заразу культурного нигилизма»¹⁷, подорвавшую духовный стержень народа. Отсюда в современном обществе — безудержная жажда материального потребления и зависть. И снова — зависть и потребительство...

Так называемый «цивилизованный мир» продолжает строить свою потребительскую империю, «уже очевидно чреватую — об этом внятно свидетельствует западная культура — пресыщением, смертельной тоской и страхом... не подозревая о том, что «хандра хуже холеры, одна убивает толь-

¹⁶ Непомнящий В.С. Русская картина мира. – С. 481, 490–491.

¹⁷ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: В 2 т. – Т. 1. – М.: МП «Рарог», 1992. – С. 216.

ко тело, другая убивает душу»¹⁸. Это – вновь Пушкин, круг замкнулся. Всем своим творчеством он давал «предостережение веку грядущему, предостережение о культурном мраке». Но, как написал тот же Непомнящий, даже в самые неблагоприятные для духовной культуры времена «”духовную жажду” не отменить никакой системе, никакому режиму»¹⁹.

¹⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 14. – С. 197.

¹⁹ Непомнящий В.С. Русская картина мира. – С. 491.

Забытые страницы Пушкинаны

Ф.М. Достоевский

великий русский писатель (1821–1881 гг.)

Пушкин

Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», – сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто, бесспорно, пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание. Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина, я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его и что я в этом слове разумею. Замечу, однако же, мимоходом, что периоды деятельности Пушкина не имеют, кажется мне, твердых между собою границ. Начало «Онегина», например, принадлежит, по моему, еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается «Онегин» во втором периоде, когда Пушкин нашел уже свои идеалы в родной земле, восприял и возлюбил их всецело своею любящею и прозорливою душой. Принято тоже говорить, что в первом периоде своей деятельности Пушкин подражал европейским поэтам, Парни, Андре Шенье и другим, особенно Байрону. Да, без сомнения, поэты Европы имели великое влияние на развитие его гения, да и сохраня-

ли влияние это во всю его жизнь. Тем не менее даже самые первые поэмы Пушкина были не одним лишь подражанием, так что и в них уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения. В подражаниях никогда не появляется такой самостоятельности страдания и такой глубины самосознания, которые явил Пушкин, например, в «Цыганах» – поэме, которую я всецело отношу еще к первому периоду его творческой деятельности. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности, которой не явилось бы столько, если бы он только лишь подражал. В типе Алеко, герое поэмы «Цыгане», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потом в такой гармонической полноте в «Онегине», где почти тот же Алеко является уже не в фантастическом свете, а в осозаемо реальном и понятном виде. В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только. Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле, поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского – интеллигентного общества, то всё равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веря, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться: дешевле он не примирится, – конечно, пока дело только в теории. Это всё тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия по-

ле великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции – и всё это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места, более соответствующие нашему времени. Много-много что полиберальничают «с оттенком европейского социализма», но которому придан некоторый благодушный русский характер, – но ведь всё это вопрос только времени. Что в том, что один еще и не начал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и не всех ожидает это: довольно лишь «избранных», довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтоб и остальному огромному большинству не видать чрез них покоя. Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него всё это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «Правда, дескать, где-то вне его может быть, где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившееся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен

от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безответные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно! Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и, даже весьма вероятно, обладая крестьянами людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими «без закона», и на время стал в цыганском таборе водить и показывать мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстью верой бросается к Земфире: «Вот, дескать, где исход мой, вот где, может быть, мое счастье, здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагряет свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его – без отмщения, без злобы, величаво и простодушно:

*Оставь нас, гордый человек;
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним.*

Всё это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случалось и это), к закону, терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его. Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывает-

ся русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоин, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надо бно заплатить». Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине», поэме уже не фантастической, но осозательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после него, пожалуй.

Онегин приезжает из Петербурга – непременно из Петербурга, это, несомненно, необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя. Повторяю опять, это тот же Алеко, особенно потом, когда он восклицает в тоске:

*Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежжу в параличе?*

Но теперь, в начале поэмы, он пока еще наполовину фат и светский человек и слишком еще мало жил, чтобы успеть вполне разочароваться в жизни. Но и его уже начинает посещать и беспокоить

Бес благородный скучи тайной.

В глухи, в сердце своей родины, он, конечно, не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя

как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слыхал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, – и тогда, как и теперь, немногих, – смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть, от хандры по мировому идеалу – это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в finale поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо, бесспорно, она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе – кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манераглядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глухи, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и по-

том, в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на неё, – о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировою тоской своею и с пролитою в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

*Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!*

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившую дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается наконец в раздумье, со странною улыбкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась её души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этою пышною петербургс-

кою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

*Но я другому отдана
И буду век ему верна.*

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоза. Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака – нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием честей, богатства, светского значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, и измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно

основано на чужом несчастии? Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только одно человеческое существо, мало того – пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остатъся навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столь пострадавшим? Нет; чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина. Скажут: да ведь несчастен же и Онегин; одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную, а потому я и позволил себе так об этом вопросе распространиться. И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению. Я вот как думаю: если бы Татьяна даже

стала свободною, если б умер ее старый муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера! Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидел вдруг женщину, которою прежде пренебрег, в новой блестящей недосягаемой обстановке, — да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет — свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, — вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а «счастье было так возможно, так близко!» И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мукичительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблное, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глупши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, — это «крест и тень ветвей» над могилой ее бедной няни. О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого немало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным

народом, с его святынею. А у него что есть и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным.

Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недосягаемой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с историкою судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и конечно, тоже первый из писателей русских, провел пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные. Еще раз напомню: говорю не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта. О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтобы указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что

он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека.

В надежде славы и добра

Гляжу вперед я без боязни, —

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственno с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет, а и промелькнет вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления. Возьмите Сказание о медведе и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу, или припомните стихи:

*Сват Иван, как пить мы станем,
и вы поймете, что я хочу сказать.*

Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним

талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя всё еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности.

Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его. Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого. Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении. Некоторые из этих произведений явились уже после смерти Пушкина. И в этот-то период своей деятельности наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих

великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призываия, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один изо всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон-Жуана», и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы»! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами:

*Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,*

это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой...

Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, — но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреоборимым стремлением и со всем

безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили. Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же строфы из Корана или «Подражания Корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца. Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк.

В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр, несомненно, повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а, несомненно, уже ощущив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, – ощущив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовию приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимо. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийско-

го племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, всё это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубою земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наи-

более предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос. Почему же нам не вместить последнего слова его? Да и сам он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чем этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

D.C. Алихатов

российский филолог, искусствовед, сценарист, академик РАН (1906–1999 гг.)

Возвышенный гений Пушкина

Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко – украинской, Шекспир – английской, Данте – итальянской, Сервантес – испанской? Если бы пришлось определять день праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось! В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен художников не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Л. Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов, и без Лескова, без Есенина, без Горького... Но Пушкин – гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин – это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали, в радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

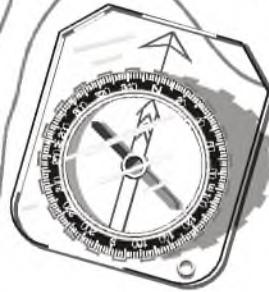
Наконец, Пушкин – величайший преобразователь лучших человеческих чувств. В дружбе он создал идеал возвышенной лицейской дружбы, в любви – возвышенный идеал отношения к женщине – Музе («Я помню чудное мгновенье...»). Он создал возвышенный идеал самой печали. Три слова – «печаль моя светла» – способны утешить тысячи и тысячи

людей. Он создал поэтически-мудрое отношение к смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Он открыл возвышенное значение памяти и воспоминаний. Поэзия его полна высоких воспоминаний молодости. Воспоминания молодости сливаются с памятью русской истории. Никто из поэтов не посвящал русскому прошлому столько произведений – и эпических, и драматических, и лирических в стихах и лирических в прозе. Именно в воспоминаниях у Пушкина рождается притягательный горький опыт прошлого и мудрое объяснение настоящего. Он создал основные живые человеческие образы русской истории – Бориса Годунова, Петра I, Пугачева... Он создал их, как бы угадав в них основную коллизию русского исторического прошлого: народ и царь-деспот. Он дал основное направление русскому роману XIX века – «усадебному роману», как бы распределив в нем основные роли: Онегин и Татьяна – это своего рода конфликтные центры, которые мы не найдем у Гончарова, Тургенева и многих других русских классиков.

Ученые записки

Сергей Небольсин

доктор филологических наук, судебный эксперт: авторство, честь и достоинство, текстология. Институт мировой литературы Российской академии наук, сотрудник. Союз писателей России, член Правления

Пушкин как преобразователь прошлого

Пушкинская способность быть прилежным учеником и превосходить учителя общепризнанна. Пушкин предшественник, сам учитель и предсказатель, – тоже притча во языках. И при этом ощущение, что уроков он дал больше, чем их восприняли, а предсказания только начали сбываться, не покидает. Это похоже на «Куда ж нам плыть?..» в незавершённой «Осени»: без готового путевого листа, но с предложением задуматься. И вопрос Жуковского над телом усопшего –

И спросить мне хотелось: ЧТО видишь? –

требует работы от любого поколения после 1837 года.

Жуковский вопрошал Пушкина в его же духе. Кроме «Куда ж нам плыть?», такое в пушкинском наследии не редкость. «Куда ты скачешь, гордый конь?» («Медный всадник»). Или «что чудится тебе?» – явно слышимый вопрос к няне в «Подруга дней моих суровых». (Как в «Осени», это осталось без ответа: няня могла сказать многое; стихи не кончены.) Пушкин же спрашивал и самого себя: что ищу я через «магический кристалл»?

Держать эти вопросы в своём уме полезно. Ощущается, что пушкинский кристалл нужен не для чудес, но для свободного и правильного дальновидения сообща. Что, иначе, развернуло бы «Онегина» в ту область, где заново – и подчиняясь Пушкину – будет думать над Анной Карениной романист Тол-

стой? Что, как не этот дар зрения, могло поставить удалого русского юношу за игрой в свайку вровень с античной классикой? В стихотворении 1836 года это ведь сделано:

Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуся...

Для русского романа – вплоть до ХХ века с его народными уже предельно Илиадами и Одиссеями – такой ракурс оказался как раз нужным. (Он нужен и науке, мы ещё разовьём это к концу книги.)

Правда, тут не народное «поднялось до»: классика до невероятности углубилась. Но всё равно: «Тихий Дон» – в подлинном товариществе с великими мировыми началами. Странно ли, что Пушкин, и никто иной, навёл поиски нашего эпоса на резкость или помог этому.

Работа над пушкинскими вопросами полезна и ныне. Если русское сознание отдается ей добровольно, она способна энергично настраивать умы.

Позволим себе сказать несколько слов и о другой магнетической способности Пушкина – преображать то, что было создано до него.

* * *

Способность, о которой мы заговорили, возможно, менее бросается в глаза. Но со своей стороны и она показывает Пушкина хозяином и распорядителем нашей культуры.

Читаем «Exegi monumentum» Горация. Ясно, что в этой оде римлянин не мог сказать всего, что потом с опорою на него (хотя с опорою и не только на одно «Exegi monumentum») высказал в «Я памятник себе воздвиг...» Пушкин. С 1833 года такого нового христианского «Памятника» ждал Чаадаев. И вот первый же знак из начальной строки. У Пушкина «нерукотворный» есть – у Горация нет. Не взялся и наш поэт каталогизировать все образы из латинского источника. Первое же по порядку укажем и здесь. Упомянуть вящую долговечность нерукотворного в сравнении с бронзою – а у Горация бронза названа сразу – Пушкин воздержался. Не так ли?

Заданный вопрос, согласимся сразу, близок риторической фигуре растерянности, когда последовательнее было бы спросить, зачем так и почему. Не притязая быстро раскрыть многое, еще раз подтвердим: да, среди вещественно-измеримого пушкинское предпочтение, хотя бы и неясное нам, удостоило упоминания одну только гордую высоту. Для Горация это высота пирамид, а для Пушкина – Александрийского столпа.

Однако миновав в своем «Памятнике» бронзу, Пушкин еще до 1836 года предоставил нам возможность долго и постоянно убеждаться в превосходстве слова над стойким металлом.

Такова его петровская поэма, где воспет памятник уже вполне рукотворный. И двадцатый век понял ее такую силу уж во всяком случае.

Все мы до сих пор в вибрациях этой меди – размышление Блока о Петре руки Фальконета или о громовержце из петербургской повести Пушкина? Авторитет Анны Ахматовой закрепляет это именно как пушкинистику. Для поэтессы памятник на Сенатской площади создан Пушкиным заново.

И это, очевидно, навсегда тот вид, в котором памятник будут воспринимать и дальше. Над совершенными очертаниями и вещественностью бронзы пушкинский голос господствует и главенствует. Возможны обстоятельства, когда с непреложностью этого бывает даже нужно как-то бороться. Что иное может позволить себе, например, профессиональный историк скульптуры, если позапрошлое столетие загорожено от него позднейшим? Ведь ему надо описать памятник XVIII, а не XX века. И пушкинским внушениям он должен противостоять.

С этим же самым способна совсем по-другому обходитьсь в двадцатом веке его живая, не ученая культура, когда она выступает в своей общенациональной совокупности и именно такой целостности придерживается. Она с указанной обреченностью на то, чтобы все видеть невольно через Пушкина, очевидно, согласится, и вполне смиренно. Мы приговорены принимать славный монумент в том его качестве,

которое ему придано не столько скульптором, сколько по-этом. Это качество тревожно-таинственное, обращено к каждому из нынешних малых сих и, можно сказать, повелительно как Божия гроза. И его трагизм, с которым трудно бороться и который, конечно, нельзя отменить, содержит душеустроительное начало.

Возможна борьба с искусством: путем его физического сноса и прямого уничтожения. Губительному рукоприкладству подвергаются самые разные виды прекрасного одинаково. Но примечательно, что ненавистники и разрушители копенгагенской «Русалочки» – если только здесь уместен такой ход в сторону – сетуют как раз на то, что статуя досадно слабее андерсеновского слова. Свидетельство в пользу той же общей закономерности, которую вслед за Горацием имел в виду Пушкин.

* * *

О губительной «буйной дури» у Пушкина и в античности. Обратимся еще к одному случаю преображающего проникновения, не сказать вторжения, пушкинского слова в до-пушкинское наследие.

Античность, завершенно уравновешенная в себе, вроде бы не должна искать чьих-либо позднейших удостоверений, санкций и редактуры. Не любопытнейшим ли, однако, образом напоминает нам сегодня о существовании Пушкина «Буря» древнего эллина Алкея?

В её дошедших до нас по-гречески обрывках, в россыпи отдельных слов, полустрок и едва ли когда строк нет никакой «буйной дури». Однако это есть в сценах беды, постигшей омраченный Петроград, которые полтора века назад нарисовал Пушкин. За Алкея взялась послепушкинская поэзия России (если не причислять Вяч.Иванова к «пушкинской школе поэтического перевода»). При всей неожиданности итог не случаен. Древняя Алкеева поэзия зазвучала, у Иванова, пушкинскими словами из все той же петербургской повести.

Пойми, кто может, БУЙНУЮ ДУРЬ ветров!..

И именно это стало с начала двадцатого века нашей древнегреческой классикой; Алкей заимствует у Пушкина.

* * *

Листая новейшее издание Горация («Оды. Эподы. Сатиры. Послания») в серии «Литературные памятники» 1971 года, приходишь к заманчивому предположению, что упомянутый случай не единственный и перед нами снова крупный закон. Причем, как представляется, на этот раз по-своему пушкинизировать античность довелось самому пушкинскому «Памятнику». Созданный по латинскому образцу, он, таким образом, словно вторично, ответным излучением, соотнес себя с римскими мотивами первого века до Рождества Христова.

Так суждено было складываться судьбам старой классики, когда она попадала к переводчику послепушкинского времени.

К числу античных первоисточников Пушкина относится знаменитая «Юбилейная песнь», или же «Юбилейный гимн» Горация. Латинское название гимна «*Carmen saeculare*». Не упуская общего вида этого довольно широкого полотна, присмотримся пристальнее всего к тем строкам оригинала, где Гораций поёт Августа, тонко соединяя хвалу с уроками властям.

Чуть ли не вся поднебесная, от покоренных Пиренеев до дерзкой Скифии, до кичливых парфян и до индов, влечется на поклон к Августу. (Это у Горация настолько общее место, что над его страницами не раз приходят на память и «греки и морава, немцы и венецианцы» из нашего «Слова о полку Игореве», и черновая часть продолжения «Осени» с перебором дальних краёв и племён и, наконец, «всяк сущий в ней язык».) Так властвует полумиром Август, полубожественный славный потомок Анхиза и Венеры. На священнодействии века – откуда и латинское *saeculare* – он приносит жертву богам.

И Гораций взыывает: так пусть же всё, о чём он просит вас, боги, этою жертвой, – пусть всё это получит он, первен-

ствующий над врагом в бою и мягкий (корткий) к нему, когда тот простёрт на земле.

Самого чуткого внимания достойно то, как именно передает это на русском языке искушенный переводчик.

Ставим рядом оригинал и перевод, предложенный Н. Гинзбургом.

*Quaque vos bobus veneratur albis,
Clarus Anchisae Venerisque sanguis,
Impetret, bellante prior; jacentem
Lenis in hostem.*

Русский текст (об Анхизе, Венере и их сыне см. песнь 2 «Илиады») таков:

*Всё, о чём, быков принося вам белых,
Молит вас Анхиза, Венеры отпрыск,
Да получит он, КО ВРАГАМ СМИРЁННЫМ
МИЛОСТИ полный.*

Не отзвук ли чего-то пушкинского? Пушкинскую одержимость виденьями торжественных пирор Петра-триумфатора и его на них великолдушия вспомнить тут же естественно. Едва ли не естественно мог и Пушкин, похваляя Петра, поминать и даже перепевать Горация. (И сам Петр охотно углублялся при подобающем случае в стихии античного красноречия. Брат мой Карл полагает в себе Александра; но во мне Дария не найдет ... Так и Байрон посмеивался над Александром русским двенадцатого года, видя в нем царя Македонского при орде скифов под ружьём; уже после Пушкина и Карлейль настаивал, что держава таких диких воителей, не имея великого поэта, чужда семье великих. *Nec ibi Musea corona – нет там места и почета искусствам, – по германцу Венделину Зюбелисту.*)

Но только великодушного Петра здесь недостаточно; не ради Петра и Пушкин заговаривал о милости победителя.

И важно как раз соотношение по этому признаку. У самого Горация, в подлиннике, МИЛОСТИ нет. Мы видели его

прилагательное *lenis* – это мягкость и кротость. Однако у предпринятого переводчиком хода, вводящего сюда слово «милость», – или за этим ходом – есть глубочайший резон. Поставить Горация с отчетливостью на пути, где прослушивается дыхание надмирного Промысла, значило проявить чуткость, выходящую за рамки простого ремесла – мастерства. Здесь милость и без поминания «падших» красноречиво значительна.

Действительно: над знатоком предхристианской античности, переводящим древних ныне, тень Пушкина и должна реять властно и с какой-то чрезвычайной взыскательностью. Можно взглянуть на дело и с обратной стороны. Над сознанием самой горациевой эпохи брезжила – трудно подобрать выражение – то ли заря, то ли упреждающая грядущее его тень, то ли это вперед Слову забегало эхо, но какого-то новообращения человечества. Выражения трудно подбирать для того, что, еще не узнав нового и не став им, было по нему томленьем, предвосхищением нового как во сне. Однако если вторить острому парадоксу Тертулиана, для которого всякая душа по своей природе христианка, то сходно можно выразиться и о Риме Августа, Риме того века вообще. Он и накануне обращения, и пробуждается к нему, и ищет ещё не явленного. (Не таков ли Олег при своем НЕЗРИМОМ хранителе в пушкинской песне о языческой Руси X столетия?)

У этой границы античное мышление ловит звук из будущего и перед нею же, как античное, себя задерживает.

Однако это задерживание при полной изготовке к преображению. И едва ли можно было засвидетельствовать это более внятно, чем оказалось сделано в переводе, который вложил в русского Горация звук из глубоко содержательного пушкинского созвучия.

А что могло препятствовать обороту, скажем, «КРОТОСТИ полный»? Ведь лексика Горация как раз его, казалось бы, и предполагает.

Можно было бы засомневаться и в выборе слова «смиренный». Для усмирения у Горация обычны слова из другого

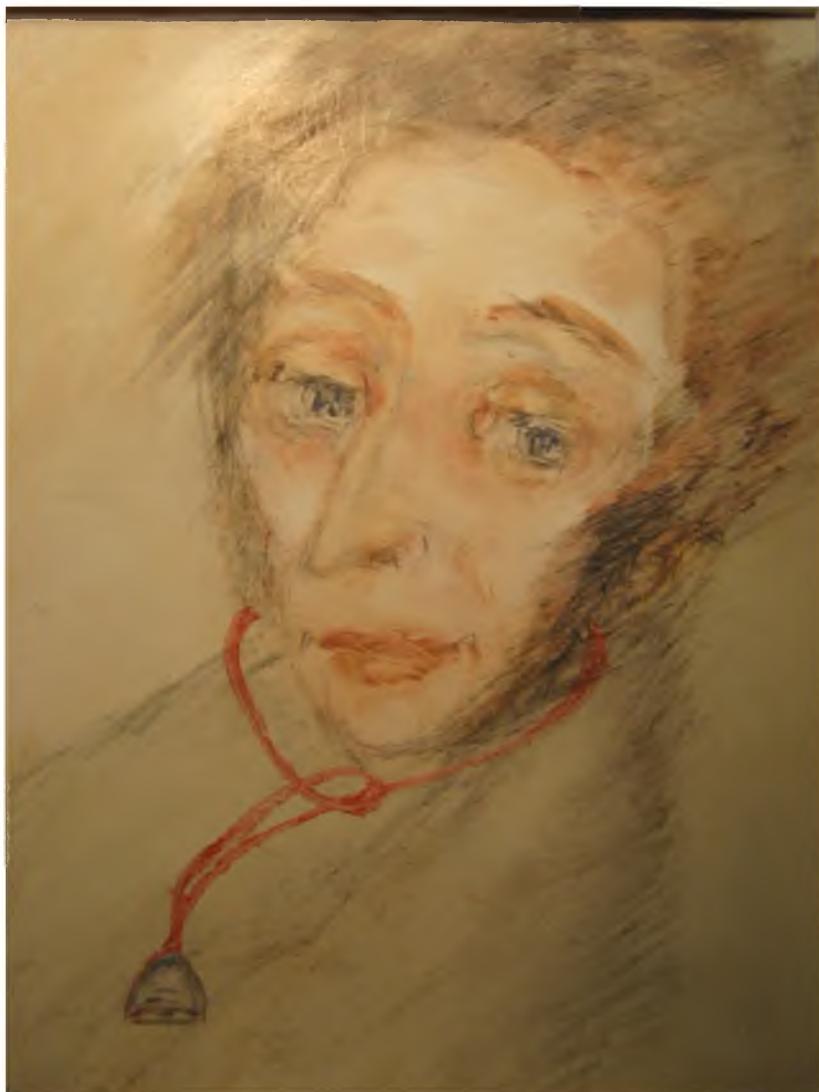
гнезда – domitos, domabilis. Может быть, поэтому врага, который по Горацио перед властителем распростерт или простирает (в подлиннике это «hostis jacens»), позволительно было бы назвать врагом сражённым. Но мелочное прене игнорирует слишком продвигает вопрос в целом. А именно в целом он уже нашёл ясное решение и через словарь, и через ритм.

Тень Пушкина –

и милость к падшим призывал –

приблизилась к допушкинскому тексту именно там и так, где и как ей было предназначено, и учредила новейший вид Горациева «Юбилейного гимна». Ученик усыновил учителя, задним числом распорядившись в его наследии и, во всяком случае, в нашем общедоступном достоянии.

*Гости
Пушкинского
альманаха*

Александр Громов

по специальности инженер-радиотехник, к.т.н. В 1970-х гг. находился на международной работе (Женева, Швейцария, Международный союз электросвязи), затем работал в системе Министерства связи. В личной библиотеке около 6 тысяч книг на русском и других языках. Основные темы собирательства: Пушкиниана, художественные иллюстрированные издания, миниатюрные книги, эфемеры.

Член Совета Национального союза библиофилов (Россия), состоит в нескольких московских и петербургских библиофильских клубах, член Общества миниатюрной книги (США), вице-президент Международного общества пушкинистов (США).

«Евгений Онегин» из Нью-Йорка*

В 1943 году, в самый разгар Второй мировой войны в США был издан роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Книга вышла сначала в эксклюзивном издательстве *Limited Editions Club (LEC)*, а затем в издательстве *The Heritage Press*.

История деятельности *LEC* и *The Heritage Press*, а также выпущенные ими книги знаменуют собой целую эпоху в американском книгопечатании и заслуживают отдельного большого разговора. За неимением места ограничимся краткой справкой.

Оба издательства были созданы уроженцем Нью-Йорка Джорджем Мэйси (*Georges Macy*, 1900–1956), закончившим престижную школу в Бронксе и выделявшимся среди сверстников любовью к книгам и деловой хваткой.

Издательство *Limited Editions Club* было создано в 1929 году. Как следует из его названия оно было предназначено для выпуска малотиражной продукции, рассчитанной на взыскательный вкус и тугой кошелёк истинных коллекционеров.

*«Иерусалимский библиофил» . – 2011. – № 4.

неров. Таким это издательство остаётся и до сих пор. К 2009 году число выпущенных им книг вплотную приблизилось к шестистам названиям, которые отображают широкий спектр мировой классической литературы **. Важно отметить, что практически все издания *LEC* иллюстрированы, причём, как правило, лучшими художниками современности. Достаточно назвать имена П. Пикассо и А. Матисса, Р. Кента. Если добавить изысканное оформление и высочайший полиграфический уровень книг, то станет понятным, почему издания *Limited Editions Club* всегда высоко ценятся и составляют гордость любой книжной коллекции.

Помимо издания трёх произведений А.С.Пушкина (кроме «Евгения Онегина» это «Сказка о золотом петушке» с великолепными иллюстрациями французского художника Эдмунда Дюлака (*Edmund Dulac, 1882–1953*) и «Капитанская дочка» с иллюстрациями мэтра английской книжной графики Чарльза Мозли (*Charles Mozley, 1914–1991*), *LEC* представил русскую литературу книгами Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Б. Пастернака и А. Ахматовой. Были также изданы русские народные сказки (попутно заметим, что «русский раздел» всего содержит 21 наименование!).

В 1935 году Д.Мейси организовал ещё одно издательство – упомянутое выше *The Heritage Press*. Снова само название говорит о целях предприятия – ознакомление с великим наследием мировой литературы. Если книги *LEC* распространялись только по подписке, то новое издательство стало реализовывать продукцию через книжные магазины по гораздо более доступным ценам. В 1937 году был организован *The Heritage Club*, до известной степени двойник *LEC*, но более демократичный, рассчитанный на средний класс общества.

Этот клуб печатал книги для своих членов по умеренным ценам. Позднее появилось клубное издательство для молодых читателей *The Junior Heritage Club*.

** См.: Bibliography of the Fine Books published by the Limited Editions Club. 1929–1985. N.Y. Limited Editions Club. 1985.

Со временем образовалась целая книжная империя семьи Мейси, состоявшая из нескольких издательств, торговой сети, рекламной службы и других институтов. «*The Heritage Press*» как торговая марка существовала до начала 1980-х гг.

В 1930-е гг. сложилась практика, когда одна и та же книга часто выходила одновременно в обоих издательствах, принадлежавших Д.Мейси, – *LEC* и *The Heritage Press*. Издания отличались при этом элементами оформления, тиражом и ценой. Именно так произошло с «Евгением Онегиным», о котором пойдёт речь ниже.

Однако прежде чем достать с полки и полюбоваться двумя изданиями великого романа (я очень рад, что они находятся в моей коллекции), сделаем ещё один экскурс в историю и расскажем о людях, причастных к работе над этими книгами. Тем более, что все они были яркими творческими личностями и, будучи эмигрантами, оставили заметный след в американской культуре XX века.

Пространное предисловие к американскому изданию «Евгения Онегина» написал историк и литературовед профессор *Абраам Ярмолинский* (*Avrahm Jarmolinsky*, Абрам Цаллович Ярмолинский, 1890–1975). Он родился в украинском городке Гайсин в состоятельной семье. Образование полу-

чили сначала в Кишинёве, затем в Петербурге, где слушал лекции В.М. Бехтерева в Неврологическом институте (много позднее они встретятся уже в Нью-Йорке). Позже Ярмолинский уехал в Швейцарию, где изучал модный тогда психоанализ, слушал лекции по западноевропейской истории и литературе. Важно отметить, что он был настоящим полиглотом – владел девятью языками. Это позволяло ему обращаться к многочисленным первоисточникам, пе-

реписываться с учёными и деятелями культуры многих стран (в его архиве хранится обширная переписка со многими известными современниками).

В 1913 году Ярмолинский переехал в США, где спустя 8 лет получил докторскую степень (первая в Америке степень по славянской литературе) в престижном Колумбийском университете, с которым был тесно связан в течение всей жизни. Ещё во время учёбы в университете А.Ярмолинский получил предложение возглавить Славяно-Балтийский отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки. Он занял пост директора в 1918 году и оставался в должности до 1955 года – редкий пример преданности раз и навсегда выбранному делу.

В самом начале работы в Славяно-Балтийском отделе на долю Ярмолинского выпала непростая миссия – поездка в молодую советскую Россию. В начале 20-х годов в стране полным ходом шёл процесс национализации культурного наследия Российской империи. В хаосе происходившего многое исчезало, растворялось во вновь создаваемых учреждениях культуры. Эта судьба не обошла и книжные собрания из дворянских усадьб и императорских дворцов. Целью

командировки Ярмолинского была закупка книг для Нью-Йоркской публичной библиотеки.

В начале холодной зимы 1923–24 гг. А.Ярмолинский вместе с молодой женой Бабеттой Дейч и ещё одним сотрудником библиотеки прибыли в Москву. Их принял А.В. Луначарский и выдал мандат на посещение государственных книгохранилищ. Надо

сказать, что А. Ярмолинский был человеком левых убеждений и в целом сочувствовал происходящему в большевистской России.

Поэтому ему было достаточно легко общаться с представителями нового режима.

Интересная деталь – А.Ярмолинский был даже удостоен чести присутствовать на похоронах В.И.Ленина и находился на гостевой трибуне вместе с другими отобранными иностранцами.

За несколько месяцев командировки группой из США было закуплено свыше 10 000 редких книг и рукописей, пополнивших фонды Славяно-Балтийского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки. Чета Ярмолинских общалась в России со многими деятелями культуры. С некоторыми из них, например с К.И.Чуковским, переписка продолжалась долгие годы.

Ярмолинский вёл большую научную работу по изучению фондов Славяно-Балтийского отдела (под его руководством был составлен 44 томный каталог), читал лекции по славянской литературе, писал книги посвящённые творчеству русских писателей. За то время, что он пребывал на посту директора, Славяно-Балтийский отдел стал ведущим центром изучения русской истории и культуры в США. Таковым он оставался и в последующие десятилетия, вплоть до лета 2009 г., когда этот отдел был расформирован, а книги были перераспределены между книгохранилищами библиотеки. Перестал существовать и широко известный читальный зал***.

Заметим, что чисто практические обстоятельства заставляют Нью-Йоркскую публичную библиотеку закрывать и другие региональные отделы. Так произошло с Африканским и Мусульманским отделами, одновременно перераспределяется «Иудаика» и некоторые другие фонды.

А всё же жаль Славяно-Балтийский отдел...

Вернёмся к нашему «Евгению Онегину». Перевод на английский язык для нью-йоркского издания 1943 года был выполнен **Бабеттой Дейч** (*Babette Deutsch, 1895–1982*) – женой А.Ярмолинского. Она родилась в США и происходила

***История сохранила дату и имя его первого посетителя. Утром 24 мая 1911 г. им оказался Давид Натанович Шуб (1887, Вильно – 1973, Нью-Йорк) – деятель социал-демократического движения, меньшевик, один из основателей американской еврейской газеты «Форвертс»

дила из семьи выходцев из Германии. Рано стала писать стихи. В 1969 году в издательстве *Doubleday* вышло полное собрание её стихотворных сочинений. Дейч преподавала литературу, много переводила с русского и немецкого языков.

К работе над «Евгением Онегиным» Бабетта Дейч обратилась в начале 1930-х гг., а спустя несколько лет, в 1936 г., в издательстве *The Random House* вышла книга «А. Пушкин. Избранное», где помимо ее переводов на английский язык ряда стихотворений поэта был помещен и перевод восьми глав «Евгения Онегина». Большое предисловие к книге написал А. Ярмолинский. Тогда Б. Дейч подготовила перевод восьми глав «Евгения Онегина». Позже для издания 1943 г. Дейч дополнительно перевела «Фрагменты из десятой главы» и «Отрывки из путешествия Онегина». Она продолжала работу над переводом «Евгения Онегина» всю жизнь. В 1965 году в издательстве «*Penguin Books*» вышел её новый, значительно переработанный перевод романа.

Настала очередь рассказать о третьем участнике проекта 1943 года. Именно он создал неповторимый облик нью-йоркского издания «Евгения Онегина». Речь идёт о художнике

Фрице Айхенберге (*Fritz Eichenberg, 1901–1990*). Еще одна эмигрантская судьба, коими так богата Америка.

Фриц Айхенберг родился в 1901 году в Кёльне. Учился в Высшей художественной школе (Кёльн) и Академии графического искусства (Лейпциг). В 1920-е гг. занялся книжной иллюстрацией, сотрудничал со многими немецкими и французскими журналами. Придерживался пацифистских взглядов и всю жизнь оставался квакером****. В немецкой печати открыто критиковал фашистскую

идеологию, рисовал множество политических карикатур. После прихода к власти Гитлера оставаться в Германии для Айхенберга стало небезопасно, и в 1933 году он переехал в США. Преподавал графику в Новой школе (*New School*) в Нью-Йорке и престижном Центре графических искусств Пратт (*Pratt Institute*), возглавлял кафедру в Университете Род Айленда. Много работал как иллюстратор, выполняя заказы ведущих американских издательств. Им были исполнены иллюстрации более чем к 100 книгам.

Фриц Айхенберг вошёл в историю как непревзойдённый мастер литографии. Особенностью его техники была присущая только ему проработка литографского камня с помощью тонких режущих и скребущих инструментов — «алмазного карандаша», лезвия бритвы и т.п. Это придавало оттискам свойства гравюры на дереве. На характерных для литографии бархатно-чёрных и серых пространствах мы видим у Айхенберга тонкие белые линии, более свойственные для ксилографии. Иллюстрации к шекспировскому «Ричарду III», исполненные художником в подобной манере, в конце 1930-х гг. произвели сенсацию. (Книга вышла в *LEC* отдельным изданием в многотомной серии «Пьесы Шекспира»). Надо отметить также заслугу нью-йоркского печатника Джорджа Миллера (*George C. Miller*), печатавшего большинство литографий Ф. Айхенберга. Ему удалось в полной мере передать замысел художника.

Айхенберг иллюстрировал книги разных литературных жанров. Однако более всего он тяготел к произведениям религиозного и философского характера, книгам, описывающим крайние проявления человеческой психики, к мистицизму. Среди его любимых авторов Э.Роттердамский, Достоевский и Толстой, Ш. и Э. Бронте, Э.По, Свифт. Он постоянно обращался к Евангелию и создал несколько графических сюит на эту великую тему. Для издательства *Limited Editions Club* Айхенберг проиллюстрировал шесть книг.

****Квакеры известны неприятием насилия в любой форме, а также широкой социальной деятельностью, направленной на утверждение в обществе идеалов гуманизма и пацифизма.

А теперь настало время взять с полки нью-йоркского «Евгения Онегина». Поскольку издания *Limited Club Editions* и *The Heritage Press* в основном отличаются друг от друга только выходными данными и элементами внешнего оформления – переплёт и издательский картонаж, – остановимся на издании *LEC*, как более изысканном (чуть ниже мы скажем об их различии). В мой экземпляр вложены два «фирменных» документа. Во-первых, это четырёхстраничное «Ежемесячное письмо» (*The Monthly Letter of The Limited Editions Club*) за номером 157, май 1943 (все письма печатаются на бумаге с водяным знаком *LEC* и рассылаются членам клуба по почте). В письме содержится обращение к членам клуба, краткое описание предлагаемой в текущем месяце книги и анонс следующего издания (в нашем случае – двухтомный «Моби Дик» Германа Мелвилла с иллюстрациями американского художника Б. Робинсона (1876–1952). Второй вложенный документ – это краткий анонс выходящего издания (на одной странице формата А5).

Вспомним, что 1943 год – это разгар Второй мировой войны, поворотный момент великой битвы с фашизмом, в которой СССР и США союзники. В обращении к членам *LEC* в «Ежемесячном письме» №157 «русская тема» подана очень по-американски, с долей юмора, с традиционным для западных людей удивлением перед непредсказуемым русским характером. Не можем удержаться от соблазна и даём перевод этого «документа эпохи».

Тон задаёт заголовок – *Them Blankety-blank Rooshians!* Этот эвфемизм можно перевести как: *Aх, эти чертовы Руусские!* (можно и иначе, на то он и эффеизм). А вот и сам текст:

«Степь да степь кругом – эти Русские. Если вы позволите им руководить собой, то это заведёт вас в страну сюрпризов.

Вы наблюдаете (как это делал ефрейтор Гитлер) за их странной войной с Финляндией и решаете, что они ничего не смыслят в искусстве воевать. Затем нацисты напада-

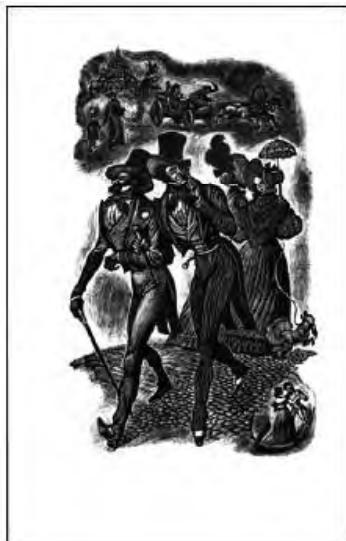
ют на Россию, и смотрите, что из этого выходит! Вы читаете Толстого и Достоевского и решаете, что русская литература – это унылость и копание в себе, грусть и самобичевание. Но затем вы берёте в руки их самое любимое произведение, их самого любимого автора, и смотрите, что из этого выходит! Оказывается перед вами светлая книга, в целом очень жизнерадостная, а местами вы будете просто давиться от смеха. Эта книга – «Евгений Онегин» А.С. Пушкина».

Вот так броско и забавно представлен роман, который был назван другим великим русским «энциклопедией русской жизни». Заметим, что эта явная легковесность, допустимая для фактически рекламного листка, испаряется, когда читаешь предисловие к самой книге, написанное проф. А. Ярмолинским. На десяти страницах ему удалось достаточно полно представить жизненный и творческий путь А.С.Пушкина, дать интересный анализ предлагаемого вниманию читателю произведения.

Оба издания «Евгения Онегина» выпущены в стандартном для книг группы издательств Мейси формате $6\frac{1}{2}$ x 10 дюймов (16,5x25 см; «высокое Octavo») и содержат по 184 страницы текста. Бумага для них была изготовлена фирмой Worthy Paper Company. Она имеет тряпичную основу и отличается приятным кремовым оттенком. Бумага для издания LEC имеет водяные знаки, напоминающие цветочный узор.

В издание LEC, в отличие от более простого издания *The Heritage Press*, добавлен чистый лист перед авантитулом, а в конце книги – лист с краткой информацией о тех, кто создавал художественный облик книги (иллюстратор, печатник литографий, книгопечатник) и данными о тираже книги, а также два чистых листа для записей. Все экземпляры клубной книги подписаны художником Айхенбергом. Мой экземпляр носит №1097, что подтверждает мнение о том, что реальные тиражи часто превышали заявленные (обычно объявлялся тираж от 500 до 1000 экз.).

Текст «Евгения Онегина» набран изящным шрифтом *Bodoni* разных размеров, хорошо гармонирующими с литог-

Страницы иллюстрации и заставки к 1-й и 7-й главам «Евгения Онегина»

"My smile always was repulsive;
I used to think I could not
Be more than could have been expected:
A smile of grace, nothing less.
But, God, early knowest who will sleep? —
Darkling, righting, time we be and
Live running about under driveling
To see who is the half-dwarf,
The half-wit, the half-sorcerer,
Assume what you men be good for;
You lip and shank with powdered leaves—
They say you're all the same!"

"To show the girl's daughter are thoughts,
As though the dead has known it;
Who be the high gods? all is lost!
You have Russia and the Ukraine;
For this new home you'll need a
New mother, a new singer,
You, widow, with widow's hair;
Russia, now, has, here and nowhere,
Where we were born in, as a bear,
May be, to your play footloose.
I understand you, but I do not
But find the North is not my style.

From mucky into the snow, steadily
During the spring and summer,
The winter comes, and the snow stays;
Till the flooded meadows heeds
All her waters, neither is sparing;
The winter comes, and the snow stays;
The blizzard giveth with snow light,
The naked woods surprises the sight,
The winter comes, and the snow stays;
The bear abounds her winter cell,
To gather trunks from old dead trees,
The winter comes, and the snow stays;
The sun sets over the rightingly,
Has shuffled his right-day-old date.

Oh, spring, fair spring, the lover's season,
How soft and bright! But, you know, the winter
Is still a child, though that pale page remains,
Still half autumn, neither is sparing;
The winter comes, and the snow stays;
The blizzard giveth with snow light,
The naked woods surprises the sight,
The winter comes, and the snow stays;
The bear abounds her winter cell,
To gather trunks from old dead trees,
The winter comes, and the snow stays;
It is that I was born in England,
And all that sparkles, shines, glitters,
As a gift to my friends, and brings
No gifts to me; and the winter
Is still a child, though that pale page remains,
The winter comes, and the snow stays;

Издание «Limited Club Editions». Переплет в стиле «Сложный Соландер»

Издание «The Heritage Press». Переплет и коробка

рафиями Ф.Айхенберга. Стихи расположены в одну колонку по центру листа, что позволило иметь большие поля, придающие ощущение пространства и облегчающие чтение. Все страницы имеют колонтитулы, а строфы римскую нумерацию. Это способствует легкой ориентации в книжном пространстве.

Главным же украшением издания, бесспорно, являются литографии Ф. Айхенберга. Художник исполнил восемь листовых иллюстраций и восемь заставок, открывающих каждую главу. Можно спорить о точности воспроизведения некоторых деталей русского быта XIX в., но надо признать, что помимо изысканной техники исполнения иллюстрации отличаются глубоким психологизмом в передаче характеров героев романа.

Рассказ об издании *Limited Editions Club* будет неполным, если не уделить внимания переплёту, в который облачён «Евгений Онегин». Это своеобразная «изюминка» издания. Итак, одет пушкинский роман «как денди лондонский» – в классический «Соландер» (“Solander” slip-case) *****.

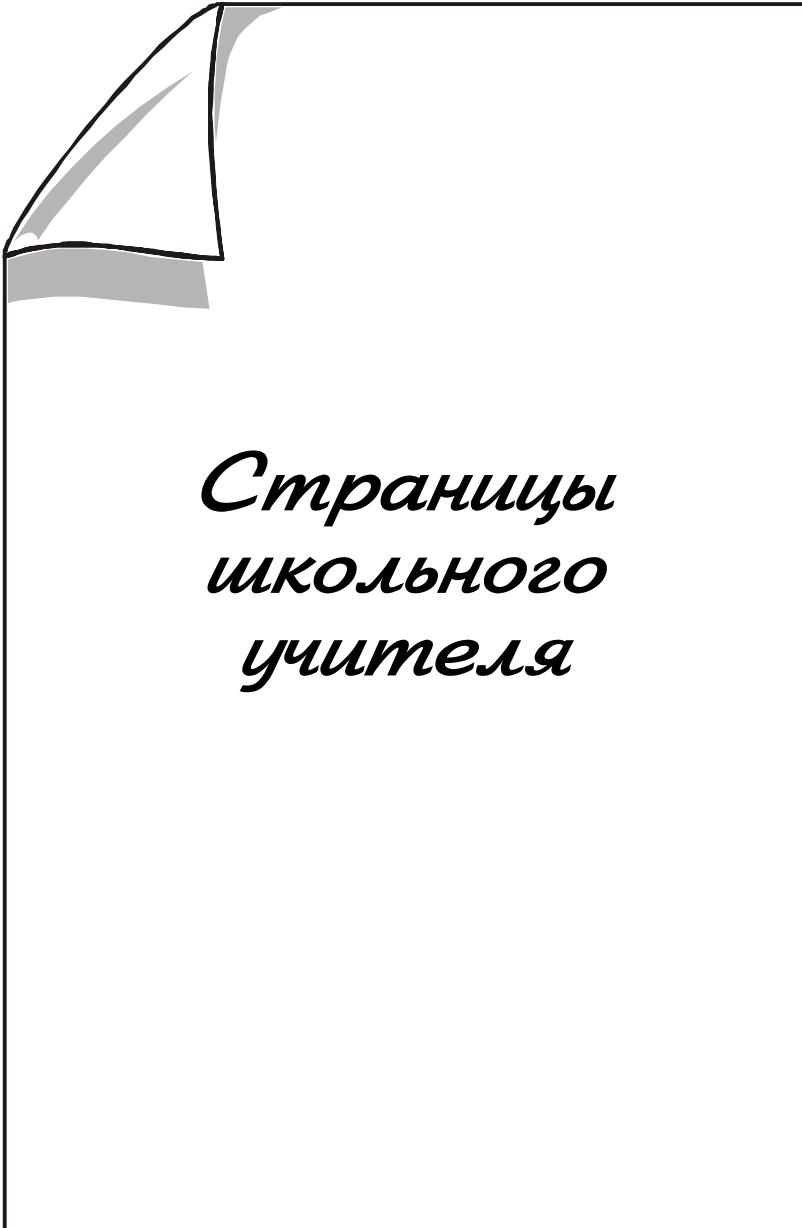
Дизайн крышек переплёта перекликается с дизайном книжных страниц – такая же удлинённая форма основного визуального пространства. Корешок книги изготовлен из полированной чёрной кожи. Ширина полосы на крышках со стороны корешка составляет один дюйм. На корешке тиснением золотом исполнено название книги: *EUGENE ONEGIN BY PUSHKIN*. Шрифт – «курсив Bodoni». На противоположных от переплёта сторонах крышек размещены полосы из такой же чёрной кожи и той же ширины. На свободном пространстве крышек размещены повторяющиеся изображения собора Василия Блаженного (к сожалению, по явному недосмотру в «Ежемесячном письме» он назван как «Собор Св. Петра и Павла в Москве»). Создание рисунка с повторяющимися изображениями (типа «обоев») потребовало в то время сложных фотосъёмок с помощью специальной камеры. Цве-

***** По имени английского ботаника Даниэля Соландера (*Daniel Charles Solander, 1736–1782*), создавшего несколько конструкций коробок для хранения образцов растений в коллекции Британского музея. С тех пор этот термин широко применяется в книгоиздательской практике.

товая гамма перемежающихся изображений собора: приглушенный красно-кирпичный и серо-голубой цвета. Они великолепно гармонируют со светло-кремовым фоном крышек и чёрной кожей. Книга вкладывается в чёрную матовую картонную папку (*jacket*), на внутренней стороне которой нанесён тот же рисунок, что и на крышках книги. Папка с книгой в свою очередь вкладываются в чёрную коробку (*box*). Всё вместе представляет собой изысканную книжную конструкцию. Извлечение книги из коробки, открытие папки, когда вдруг начинают появляться знакомые и дорогие сердцу изображения московского собора, всё это доставляет истинное удовольствие.

Выше мы говорили об издании «Евгения Онегина», вышедшем в *Limited Club Editions*. Более простое издание, появившееся в *The Heritage Press*, также выглядит весьма достойно. На крышках переплёта мы видим тот же мотив перемежающиеся изображения собора. Фон здесь более тёмный, изображения мельче и менее выразительные. Кожаные полосы на противоположных от переплёта сторонах крышек отсутствуют. Книга помещается в простую коробку, окленную бумагой всё с теми же изображениями собора. Общее впечатление от дизайна книги и переплёта *The Heritage Press*, бесспорно, гораздо более бедное, чем в случае издания LEC. Но на то и книги от *Limited Editions Club*, чтобы быть истинными образцами эксклюзивных библиофильских изданий!

Закрываем оба издания «Евгения Онегина», вкладываем книги в коробки, ставим на полку и благодарим людей, более полувека назад работавших на Американском континенте над этими изданиями. Они подарили нам ещё одно, очень приятное свидание с бессмертным произведением великого российского поэта.

*Страницы
школьного
учителя*

Наталья Малкова

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории, руководитель Пушкинского музея МБ ОУ НГПЛ имени А.С. Пушкина

Вечно здравствуй, наш Пушкин!

Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блестали золотые и серебряные оклады наследственных икон. Дрожащий свет его озарил занавешенную кровать и столик, уставленный склянками с ярлыками. – У печки сидела служанка за самопрялкою, и лёгкий шум её веретена прерывал один тишину светлицы ... – Скоро ли рассвет? – спросила Наталья.

Уважаемый читатель, конечно, узнал отрывок из повести А. Пушкина «Арап Петра Великого». Всё ещё будет впереди: и стихи дяди, Василия Львовича, и лицейская дружба, и незабываемые уроки учителей, и первая любовь ... многие события промелькнут в жизни России и в судьбе Александра Сергеевича, пока подлая пушля Данте не остановит сердце поэта, подарившего православным потомкам литературного гения.

Каждый из нас «открывает» своего Пушкина.

С 15–20 октября сего года в Санкт-Петербурге проходила XII Международная конференция «Пушкин, Чехов и мировая культура». В работе конференции приняли участие 20 лицеистов, в основном учащиеся 10Б класса НГПЛ, которые в течение 5 лет работают по проекту «Пушкиниана».

Мы все ждали встречи с пушкинским Петербургом.

И вот мы в прекрасном Аничковом дворце. Торжественное открытие конференции. В пышных бальномых платьях и фраках торжественно, с замиранием сердца из золотой гостиной шествуем в пурпурный зал. Останавливается дыхание ... перед нами Пушкин, здесь, на балу в Аничковом дворце!

Aх, этот бал ...

*Как ждёт душа, и тут она права,
Настанет долгожданный час великолепья,
И распахнёт свои объятья пышный бал,
И закружит он всех без исключенья,
И будут рады все: и стар, и млад.
Особое явление на балу – салоны.*

Мы представили для участников конференции наш литературно-музыкальный салон (спектакль) «Ангел-хранитель».

Это вечер знакомств. Приехали много делегаций из разных городов России: Москвы, Таганрога, Нижнего Новгорода, Красноярска. Звучали романсы, стихи поэта, гости из посёлка Пушкинские Горы запомнились прекрасным спектаклем.

А на следующий день новые выступления на секциях конференции: прекрасно выступил Дятлов Алексей с творческим докладом «Пушкинский бал – основа духовного воспитания лицеистов».

Головина Анна представила «Лиро-эпический анализ стихотворения А. Пушкина «Для берегов отчизны дальней ...» (исследование будет включено в сборник работ студентов Санкт-Петербургского университета).

Талеюнас Андрей и Сизоненко Виктория оригинально, талантливо представили работу «А. Пушкин и театр лицея».

Получены дипломы, грамоты ...

Каждый день мы открывали Петербург, а Петербург раскрывал тайны, сохранённые его героями.

Стоим у дома «пиковой дамы» ... вот здесь стоял Германн, в окне силуэт Лизы. Вот здесь мы в кондитерской Вольфа и Беранже на Невском проспекте, где Пушкин, как заранее условились, уже ждал Данзаса и они отправились к месту дуэли, за Чёрной речкой, близ так называемой Комендантской дачи ...

Знаете ли вы, как величают Санкт-Петербург? Местные жители называют его Северной Венецией, поэты – Северной Пальмирай, а мы назвали его городом мечты.

В лицее мы проучились четыре года, 19 октября для нас – торжественный праздник.

И вдруг необычное событие – 19 октября мы в стенах Царскосельского лицея!

Сколько раз мы мечтали об этом.

Запросто мы вошли во дворцовый флигель, и совсем свободно чувствовали себя в классных комнатах, актовом зале, наполненных солнечным светом и воздухом.

День 19 октября навсегда останется и для нас, лицеистов, особенным, – это не только день рождения нашего лицея, день начала дружбы, которую ничто не омрачит.

И вместе с воспитанниками Царскосельского лицея мы восклицаем: «Да здравствует, лицей!»

По инициативе и при участии Новосибирского регионального Пушкинского общества в 2010 году проведен Новосибирский областной фестиваль литературного творчества учителей, посвященный Году учителя и 185-летию Болдинской осени в судьбе А.С. Пушкина. Фестиваль проводился в трех номинациях: «Стихи как самовыражение, как песнь учительской души», «Учитель, воспитай ученика!» и «Учитесь Пушкина читать и видеть, слышать, понимать!».

В этом выпуске «Пушкинский альманах» знакомит читателей с работами

Наталья Калинина

учитель русского языка и литературы высшей категории Барабинской МОУ СОШ №3

Номинация «Учитель, воспитай ученика»

Письмо-эссе Учителю посвящается Через тернии к звёздам

О сколько нам открытий чудных...

Когда солнце исчезает за горизонтом и наступает ночь, перед нашими глазами возникает самая восхитительная, волнующая и завораживающая картина в мире: звёздное пространство. Я уверена, что каждый из нас обращал внимание на ночное небо, усыпанное бесчисленными сверкающими точками – ярко горящими звёздами. И ничто – ни электрическое освещение улиц и домов, ни рекламные огни – не может лишить нас удовольствия любоваться этим великим чудом природы, которое подарено всем жителям земли. Когда видишь эти волшебные небесные чудо-фонарики, рожда-

ется представление о том, как удивителен, прекрасен, велик и разнообразен мир...

...Мир, в котором рождение каждого маленького человечка отмечается появлением новой звёздочки, излучающей яркий, чистый, оберегающий свет. И эта звёздочка будет смотреть на него и освещать ему дорогу в будущее. Посмотришь на озаряющий ночное небо хоровод звёзд и невольно подумаешь о том, сколько новых жизней открыто. А на память приходят замечательные строчки:

*Послушайте! Ведь если звёзды зажигают,
Значит, это кому-нибудь нужно,
Значит, кто-то хочет, чтобы они были...*

И мне подумалось: а учитель ведь тоже способен зажигать души и сердца сотен и сотен учеников. Учитель – это человек, который открывает новые звёздочки, раскрывает новые таланты. Это звездочёт, который наблюдает за их развитием и ростом, стараясь сформировать созвездие из ума, таланта, доброты и душевной красоты.

Каждый ребёнок талантлив по-своему, у каждого есть значительный творческий потенциал. Надо только увидеть и понять эти искорки, не убить, как говорил Антуан де Сент-Экзюпери, в ребёнке Моцарта.

Каждый ребёнок – это крошечная звёздочка в огромной Вселенной, полной волнующих тайн и загадок, которые учитель постоянно пытается разгадать, а потому и находится в неустанном поиске – поиске истины и смысла жизни. Как Млечный путь становится ориентиром для путешественников, так и для странствующего по Миру Знаний учителя-философа ориентиром является стремление обогатить и наполнить потоком яркого света жизненный путь ребёнка. Ведь яркость юных звёздочек зависит не только от природного таланта, но и от тех, кто с ними рядом. А значит, самому учителю нельзя быть тусклым и бледным в огромном и красочном мире...

Звёзды – одно из самых светлых начал жизни... Но, говорят, звёзды на небосклоне излучают хоть и яркий, но холод-

ный свет. Быть может, потому что они находятся далеко от нас. А живущие рядом с нами звёздочки обладают большим теплом, а иногда от их сердец исходят настоящий жар и огонь. Моя задача – поддержать огонь желаний и стремлений учиться и совершенствоваться и не дать ему погаснуть. Жизнь учителя – это тоже горение, ведь подчас эта жизнь проходит на пределе возможностей, сил физических и душевных, с огромными затратами жизненной энергии, иногда невосполнимой, которую осознанно и безвозвездно отдаёшь детям.

Любовь к детям, самоотдача, творческое отношение к делу, стремление к духовному развитию – неотъемлемые качества учителя. А значит, учитель сродни герою, чьё призвание – служение людям – пример самого прекрасного назначения человека на земле. Подарить детям знания, научить преодолевать трудности, воспитать человеческие качества, которые помогли бы им на их жизненном пути, сделать мир лучше, осознать своё предназначение – это и есть то главное, для чего рождён человек. Оставить добрый след в душе ребёнка, как звезда оставляет в воздухе светящийся след...

А что может дать детской душе ростки доброго, светлого и прекрасного? На мой взгляд, отношение учителя к ребёнку. Именно это позволяет установить контакт, найти общий язык, достичь полного взаимопонимания, не оборвать нить доверительного общения.

Все согласятся, что язык – это основа духовной культуры, то волшебное орудие, посредством которого осуществляется связь народов, времён, поколений. Важно понять, что любой язык достоин любви, уважения, пристального изучения и бережного отношения.

Да, вначале было слово...

Изумительно красив, необычайно гибок, богат, неисчерпаем русский язык. Но сколько чудесных и мудрых слов родилось в языке других народов мира.

Чтобы вырастить людей будущего, способных и умеющих ценить и беречь слово, культуру, традиции, мы творим мир без границ, ведь мироздание бесконечно и беспредель-

но. Благодаря языку создаём такое пространство, где детям предоставляется возможность понять и погрузиться в своё мироощущение, полноценно расти, дружить, развиваться, учиться удивляться, действовать и жить в незапограммированных условиях. Ведь жизнь целостна, мир, в котором мы живём, един, пространство бесконечно. Именно поэтому важно снять перегородки и внутри учебного процесса, проводить межпредметную интеграцию, и тогда появятся новизна восприятия, желание проявить свою уникальность, сделать что-то особенное, раскрыть многогранность своих способностей, таланта...

Всё в жизни взаимосвязано: мысли, чувства, время, пространство. Оказывается, как много общего между миром людей и миром звёзд. Вот и сейчас светлеет небо. Звёзды оставляют лишь слабое мерцание. Мгновение – и их свет рассеивается окончательно. Но это не прощание, а начало новой встречи с теми звёздочками, которые заполняют школьные кабинеты и коридоры и которые, я точно знаю, просто хотят раскрыться на моих уроках.

Письмо моему учителю...
Эссе-посвящение

Поляковой Валентине Андреевне, учителю литературы
МОУ СОШ №3 Барабинского района
Новосибирской области

Талант – это способность делать то, чему нас никто не учил.
Альфред Конар

Пусть не смолкают в адрес ваш аплодисменты,
Пусть колесо судьбы не замедляет ход,
Пусть в жизни будут важные моменты
Любви, удачи, радостных забот!

...И вновь неутихающее волнение, сердце, готовое вырваться наружу, переживания за ребят, почти уже освоивших актёрское мастерство, первые музыкальные аккорды, сцена,

сияющая софитами, торжественная атмосфера праздника, атмосфера ожидания, начало, игра, пьеса, сказка, чудо!..

И вновь улыбнулась удача, и фортуна засияла яркими гранями, одаривая праздничным, победным, ликующим настроением тех, кто приблизил эту удачу своим трудом, терпением, желанием, талантом.

Говорят, талантливые люди талантливы во всём. Трудно оспорить. Тем более что есть в нашей жизни примеры, подтверждающие неоспоримость данной фразы. Учитель с большой буквы, режиссёр с душой поэта, человек высокой культуры, мастер своего дела – и это всё один человек, обладающий многими талантами и способностями – творить, создавать, фантазировать, открывать, вдохновлять, пробуждать. Человек, сочетающий в себе, что очень редко бывает, яркий интеллект, незаурядный ум, тонкий вкус, искромётный юмор, аристократичную внешность – качества, отличающие неординарную личность, какой является Полякова Валентина Андреевна. Человек, полный творческих замыслов, душой болеющий за коллектив, школу, её престиж. Талантливый учитель, умеющий заинтересовать учащихся уроками литературы, творчеством писателей, помогающий почувствовать красоту и образность художественного слова, понять своеобразие и мастерство автора. Кроме того, Валентина Андреевна – руководитель творческого коллектива юных актёров. Ни один праздник в школе не обходится без её участия, без её руководства, её идей. День рождения школы, КВН, фестиваль «Театральная весна», конкурс «Учитель года», творческие поэтические вечера, вечера романсов в литературно-музыкальной гостиной «У камина»... И каждый раз на глазах изумлённых зрителей развивается небывалое сценическое действие. И каждый раз новое, неповторимое, незабываемое, остающееся в памяти, яркое впечатление, праздник души. И каждый раз новые таланты, открытия, режиссёрские находки, блестательные победы, лучшие театральные постановки. Огромная самоотдача, вложение сил, эмоциональных, духовных, физических, обернулись признанием таланта и

опыта, мастерства и профессионализма учителя. Да, есть заслуги, награды, звания, но есть у Валентины Андреевны, на мой взгляд, нечто более ценное – любовь близких, родных, любимых; уважение благодарных учеников, для которых учитель является примером во всём (а примеры, как известно, полезнее правил), друзей-коллег, учительского коллектива, администрации школы; признание заслуг человека, который всей своей насыщенной жизнью, всей своей творческой деятельностью подчёркивает неоспоримость фразы: «Талантливые люди талантливы во всём». Талант жить, талант преодолевать, талант любить, отдавать, открывать, творить. У вас всё это есть, а главное есть Вы у нас.

С Годом учителя Вас, дорогая Валентина Андреевна! Большого человеческого тепла, добра, здоровья, жизнелюбия и счастья, новых творческих открытий и педагогических находок.

Пусть не смолкают в адрес Ваш аплодисменты...

Софья Африколд

учитель русского языка и литературы МОУ Экономический лицей, г.Бердск

Номинация «Стихи как самовыражение, как песнь учительской души»

Моим поэтам

Поэтов свет столетья
Прольется на меня:
И как-то по-ахматовски
Печаль моя светла.
Мне б мужество
И строгость,
И рваных ритм слова...
Марина, сколько горести!

И жизнь всегда права.
Мне б песенность Есенина,
Чтоб за душу взяло,
И неба синь осеннего,
И горечь-озорство.
Изысканность, геройство,
Отчаянность пути.
О, Гумилев, изысканность
И чудо сотвори!
Поэтов свет столетья
Прольется на меня,
Их рифм переплетения,
И радость бытия...

К Пушкину

Открытие забытого стиха,
Услышанных мелодий –
новых,
Вбирать, лелеять –
о, подальше от греха,
Вражды-любви и завистей
бредовых.
Упасть, как в бездну
сокровенных слов,
Жестоко бередящих
мысль и душу,
Шумящих, щелестящих
в сонме снов
И выброшенных в свете дня
на сушу.
И – ничего. Метафоричность
звуков,
Взлелеянных, политых,
как цветы,
Там – зеленеющих, а ныне,
здесь забыты

Принижены ненужностью
толпы.
В чуть суетливых,
наспех слов найденных,
Все та же серость,
как ночная мгла,
И кажется – исхода нет,
Но будет – светлость:
В том мире есть
мелодия стиха.

России

Россия – купола и храмы,
Россия – святость, бездны ад,
Россия – где и Кришну Раму,
Христа и Будду помнят, чтят.

Россия – ширь полей и пашен,
И мощь, и даль из края в край.
Россия – чья-то сытость – в каше,
А кто-то ведь купил и рай.

Россия – мир чинушей важных,
Для коих – солнце и луна, –
Что рождены для неги праздной...
Россия – нищенства полна.

Россию высказать как сложно!..
Россию выплакать легко
И в песнях грустных и острожных,
Россию – удаль и покой.

Россия, ты дана с роженья,
И мне здесь жить и умереть,
Здесь век – мгновенье,
Миг – как вечность...
Россия – путь мой:
Ей мне – петь!..

*Поиск. Находки.
Гипотезы*

Станислав Парасов

политолог, канд. ист. наук, эксперт российского информационного агентства Regnum

МИД Российской империи: Пушкин – масоны – разведка

В мае 2010 года в мемориальной квартире Александра Сергеевича Пушкина на Арбате журналистам был представлен неизвестный ранее так называемый «нетворческий» автограф поэта – подпись в подорожной тетради. Найденную в фондах Центрального исторического архива Москвы совершила старший научный сотрудник Государственного литературного музея Светлана Бойко. В тетради для записи прихода и расхода подорожных бланкетов она нашла запись от 27 июля 1830 года: «До Казани Коллежскому Ассессору Александру Пушкину с будущим 2 лошади, 829 верст. 3 р. 16 коп». В последней графе стоит подпись: «Подорожную получил коллежский ассессор Александр Пушкин». Бойко сразу узнала почерк поэта. Найденная автографа величайшего русского поэта – огромная удача для исследователя. Но не сенсация. Историки подсчитали: Пушкин искалесил более 35 тысяч верст отечественных дорог. Неожиданность – в другом. О поездке Пушкина в 1830 году в Казань исследователям ничего не известно. Согласно тщательно выверенной академической биографии поэта, в Казани он окажется только в 1833 году, когда будет работать над историей Пугачева. А в конце июля 1830 года Пушкин по всем раскладам должен был быть в Петербурге. Это во-первых. Во-вторых, в подорожной тетради указан чин поэта – коллежский ассессор (VIII класс), в то время как Пушкин вроде бы числился коллежским секретарем – на два чина ниже.

Автор этих строк связался со С.А. Бойко с целью разъяснить возникшую историческую коллизию. Она заявила, что

склоняется к мнению, что станционный чиновник допустил ошибку при записи в тетради чина, а поэт, расписываясь в получении подорожной, ее «сознательно повторил». «Помните слова из незаконченного пушкинского “Романа в письмах”, – уверяла нас Светлана Бойко. – Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей». При этом мы узнали, что в настоящее время «со скрипом» проводится экспертиза обнаруженного автографа поэта. К тому же появились скептики, которые считают: подорожную в Казань мог получить брат Пушкина Лев, который и расписался за поэта. Конечно, можно представить, что Александр Пушкин с целью быстрее получить лошадей на станции указал «чин повыше». Но представить подобное все же сложно. Даже если принять версию, что подорожную вместо Александра Пушкина подписал его брат Лев, все равно обнаруженный Светланой Бойко автограф вызывает немало гипотез.

Для того чтобы как-то прояснить ситуацию, автор приступил к поиску в архивах страны оригинала еще какого-нибудь подорожного документа поэта в сопоставимые сроки для уточнения хотя бы чина поэта. Известно, к примеру, что в конце апреля 1829 года Пушкин предпринял путешествие в Арзrum, и как, утверждают исследователи, 4 марта 1829 года ему выдали подорожную в канцелярии петербургского военного губернатора. Но оригинала этого документа в архивах нет. Правда, заместитель директора Государственного архива Ставропольского края Е.И. Сеничкина прислала нам вырезку из газеты «Ставропольская правда» от 9 февраля 2007 года, в которой имеется факсимиле текста подо-

рожной, действительно выданной поэту санкт-петербургским почтовым директором Константином Булгаковым. Приведем ее текст: « Г. чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно предписано Почтовым местам и Станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания и к приезду оказывать всякое содействие». Напомним, что подорожная – письменное свидетельство, необходимое для проезда по почтовым дорогам империи. Она выдавалась губернскими или уездными властями и удостоверяла, во-первых, личность, что заносилось в специальный журнал на каждой станции, во-вторых, возможность получить на почтовой станции зависевшее от чина и звания проезжающего определенное количество лошадей. И вновь историческая загадка: на обратной стороне подорожной Пушкина для проезда в Тифлис сделана приписка: «Сие предписание в Командантском управлении при Горячих минеральных водах явлено и в книгу под 109-й, записано 8 Сентября 1829 года. В должности плац-адъютант подпоручик Войтикович». Это означает, что Пушкин предъявил подорожную только на обратном пути из Тифлиса в Санкт-Петербург. А в Тифлис, на кавказский театр военных действий во время русско-турецкой войны 1828–1829-х годов, он пробирался без предъявления необходимых документов. Проделать такое было невозможно без специальных санкций высшего военного командования или разрешения управляющих Кавказским краем сановников. Но и в этом случае не все выглядит однозначно. 12 мая 1829 года начальник штаба армии Паскевича барон Остен-Сакен сообщал военному губернатору Грузии генерал-адъютанту Стрекалову: «Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С.-Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему его имп. величества повелению состоит он под секретным надзором, то по приказанию его сиятельства графа И. Ф. Паскевича имея честь донести о том вашему превос-

ходительству, покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию». Пушкин прибыл в Тифлис 27 мая 1829 года.

Тайны Третьего отделения

9 августа 1824 года Пушкин прибыл в имение Михайловское, куда он был сослан по распоряжению императора Александра I. В этой ссылке поэт пережил выступление в Санкт-Петербурге декабристов. В июле 1826 года по приговору Верховного уголовного суда были повешены пятеро из них: Рылеев, Пестель, Кауховский, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин. В сентябре 1826 года император Николай I приказывает Пушкину прибыть в Москву «в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря не в виде арестанта». 8 сентября 1826 года в Москве, в Чудовом монастыре, состоялась встреча нового императора и поэта. О состоявшейся тогда беседе написано немало, но мало сохранилось сведений достоверного характера. Можно утверждать только то, что между собеседниками было достигнуто какое-то устное соглашение. Николай I разрешил Пушкину жить в обеих столицах. Но это было не то, о чем пишут по этому поводу многие пушкинисты: мол, император сразу вызвался выступить в роли единственного цензора его сочинений. Дело было намного тоньше и сложнее. 12 июля 1827 года глава Третьего отделения А.Х. Бенкендорф докладывал Николаю I: «Пушкин, после свидания со мной, говорил в Английском клубе с восторгом о Вашем Величестве и заставил лиц, обедавших с ним, пить здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно». В октябре 1827 года шеф Третьего отделения получает сообщение: «Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непрятворно любит государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскутила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть».

Пушкин, конечно, понимал, что за ним ведется негласный надзор. Когда в апреле 1828 года началась война России с Османской империей, он решил переформатировать сценарий действий. Николай Путята, литератор, с 1823 года адъютант генерал-губернатора Финляндии А.А. Закревского, пишет в своей «Записной книжке»: «Я довольно часто встречался с Пушкиным в Москве и Петербурге. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили. Посредником своих милостей и благодеяний государь назначил графа Бенкendorфа, начальника жандармов. К нему Пушкин должен был обращаться во всех случаях. Началась Турецкая война. Пушкин пришел к Бенкendorфу проситься волонтером в армию. Бенкendorф отвечал ему, что государь строго запретил, чтобы в действующей армии находился кто-либо не принадлежащий к ее составу, но при этом благосклонно предложил средство участвовать в походе: хотите, сказал он, я определю вас в мою канцелярию и возьму с собою? Пушкину предлагали служить в канцелярии Третьего отделения». Кстати, существуют и воспоминания А.А. Ивановского, чиновника Третьего отделения, достоверность которых не подвергается сомнению. Вот что он пишет: «В половине апреля 1828 года Пушкин обратился к А.Х. Бенкendorфу с просьбою об исходатайствовании у государя милости к определению его в турецкую армию. Когда ген. Бенкendorф объявил Пушкину, что его величество не изъявил на это соизволения, Пушкин впал в болезненное отчаяние... Он квартировал в трактире Демута... Человек поэта встретил нас в передней словами, что Александр Сергеевич очень болен и никого не принимает». Но Пушкин принял Ивановского. «Если бы вы просили о присоединении вас к одной из походных канцелярий: Александра Христофоровича Бенкendorфа, или графа К.В. Нессельроде, или П.И. Дибича – это иное дело, весьма сбыточное, вовсе чуждое неодолимых препятствий», – заявил жандарм. «Ничего лучшего я не желал бы!.. И вы думаете, что это

много еще сделать?», – воскликнул Пушкин. На что последовал ответ: «Конечно, можно».

Походная канцелярия Бенкендорфа – это контрразведка. В компетенцию Третьего отделения входило, помимо всего прочего, и управление главной Императорской квартирой, и Собственный Его Императорского Величества конвой. Граф К.В. Нессельроде, МИД – это политическая разведка. П.И. Дибич – военная разведка. До 1832 года – официальной даты создания в России политической разведки – собственная разведка существовала в военном министерстве и Коллегии иностранных дел России. В начале XIX века Александр I провел реорганизацию высшего государственного управления России, и вместо коллегий были учреждены министерства. Одновременно его именным манифестом министрам было указано немедленно образовать канцелярии в министерствах. Созданная канцелярия МИД подразделялась на четыре экспедиции. Первая экспедиция ведала азиатскими делами, вторая – перепиской с Цареградской миссией и всеми внутренними делами, третья – «перепиской на французском языке с министрами в чужих краях и внутри государства», а также выдачей заграничных паспортов, четвертая – нотами и записками от иностранных министров. Каждую экспедицию возглавлял управляющий в должности коллежского советника (соответствовал чину VI класса). Также в МИД были организованы и три секретные экспедиции. Первая – цифирная (шифровальная). Вторая – цифирная (дешифровальная) и третья – газетная (служба перлюстрации) и архив. Впоследствии экспедиции были преобразованы в отделения с повышением ранга управляющих. В 1832 году Николай I реорганизовал центральное управление МИД. Были образованы департаменты. Департамент внутренних сношений, Департамент хозяйственных и счетных дел и Департамент внешних сношений, который объединил секретные экспедиции и архив министерства. Курировал Департамент внешних сношений МИД непосредственно

начальник Третьего отделения Его Величества Собственной Канцелярии А.Х. Бенкendorф.

Перед нами письмо Пушкина А.Х. Бенкendorфу от 21 июля 1831 года: «Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями его величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый, с которым выпущен я был из лицея), к несчастию, представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранный коллегии от 1817-го до 1824-го года; мне следовали за выслугу лет еще два чина, т.е. титуллярного и коллежского асессора; но бывшие мои начальники забывали о моем представлении. Не знаю, можно ли мне будет получить то, что мне следовало. Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, т.е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению. Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

Поэт сделал свой выбор – МИД. Согласно существовавшему положению, в Российской империи при назначении на ту или иную должность необходимо было соблюдать опре-

деленную бюрократическую процедуру. Прошение о назначении на должность подавалось на имя императора только чиновниками, которые соответствовали должностям первых четырех классов, а назначение оформлялось высочайшими приказами и именными указами правительствуемому Сенату. Чиновники первых трех классов – члены Государственного совета, сенаторы, члены Святейшего Синода, министры, главноуправляющие, их товарищи (заместители), члены комитета и Совета министров, генерал-губернаторы – назначались непосредственно императором. Чиновники IV класса – директора департаментов министерств, обер-прокуроры Сената, прокуроры судебных палат, губернаторы – и некоторые чиновники V класса – вице-губернаторы, управляющие казенными палатами – назначались императором по представлению министров. Академик В.А. Чудинов, изучая архивный материал Пушкинского дома по разделу «деловые бумаги», выявил все обстоятельства, связанные с возвращением Пушкина на работу во внешнеполитическое ведомство Российской империи.

20 июля 1831 года Пушкин написал письмо Николаю Первому с просьбой зачислить его на государственную службу. Обычно подобные бумаги в царской канцелярии рассматривались с некоторым временным люфтом. Тем более речь шла о поэте, имевшем с точки зрения циркулировавших тогда слухов неоднозначную политическую репутацию: вольнодумец, связан чуть ли не с декабристами и т.д. Но имперская бюрократия работала на редкость быстро. 21 июля 1831 года Николай I приказал Бенкендорфу дать указание Карлу Нессельроде принять Пушкина на службу в МИД. 23 июля 1831 года Нессельроде получает письмо от Бенкендорфа о Высочайшем повелении определить в Государственную коллегию иностранных дел «известнейшего нашего поэта, Титулярного Советника Пушкина, с дозволением отыскать в архивах материалов для сочинения истории Петра I». Как видим, Бенкендорф указывает государственный чин поэта – титулярный советник IX класса, хотя Пушкин формально

числился отставным коллежским секретарем X класса. Ошибка? В этой связи 14 ноября 1831 года Нессельроде специально обращается к императору с уточняющим вопросом: «Каким чином определить известного нашего поэта, коллежского секретаря Пушкина в Коллегию?». В тот же день в МИДе принимается приказ: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять в службу тем же чином, и определить его в Государственную Коллегию Иностранных Дел». Но тогда почему все же Бенкendorf упоминает чин Пушкина – титулярный советник? Более того, Пушкину был назначен оклад в размере 5000 рублей, что соответствовало в те времена окладу заместителя директора департамента министерства или губернатора, но не соответствовало низкому чину коллежского секретаря. К тому же, как выясняется, хотя Пушкин состоял на службе в Коллегии иностранных дел, официально зарплату он получал не из финансовых фондов МИДа для выплаты жалования её сотрудникам, а из специального фонда Николая I в министерстве финансов.

9 декабря 1831 года император пожаловал Пушкину чин титулярного советника. Поэту объявили об этом во время принятия присяги 4 января 1832 года на Английской набережной в доме № 30. Но самое интригующее в том, что Пушкин в один и тот же день подписал два присяжных листа: клятвенное обещание и текст с присягой. На первом документе он значится как «коллежский секретарь», а на втором – «титулярный советник». То есть в МИДе он – коллежский секретарь. Тогда по какому департаменту он – титулярный советник?

Антимасонская клятва

Из мидовских «клятв» поэта можно сложить ребус. Автор при содействии сотрудника Архива внешней политики России историка Игоря Григораша обнаружил еще несколько уникальных документов. Начнем с указа императрицы Екатерины II от 1791 года. Он гласит: «Кроме министров департамента иностранных дел, каковыми Ее величество почита-

ет канцлера (или без сего звания управляющего оным департаментом), вице-канцлера и членов секретной экспедиции, никто из прочих членов Коллегии не ходил в дома чужестранных министров, не имел с ними разговоров о делах, никого из них в своем доме не принимал, и ни под каким видом не вел с ними переписки или пересылки». Этот документ обязаны были подписывать все служащие чиновники департамента или вновь зачисленные в его штат. Под ним мы обнаружили автограф Пушкина. Тем не менее поэт, вопреки указу Екатерины II, вел достаточно свободный образ жизни. Если судить по дневниковым записям, то он открыто посещал светские салоны, общался с иностранными послами и дипломатами, рассуждал о внутренней и внешней политике России. На его мнение часто ссылались дипломаты в своих депешах. Исследователи архивов вюртембергского и австрийского министерств иностранных дел обнаружили некоторые такие документы. В них Пушкин предстает как «видный дипломат, политический деятель, идеяный глава так называемой русской партии».

9 июня 1817 года воспитанник Царскосельского лицея Александр Пушкин получил первое назначение в Коллегию иностранных дел на должность переводчика с денежным содержанием семьсот рублей в год. Служба в Коллегии для всех сотрудников начиналась с присяги императору Александру Павловичу. Она была принесена 15 июня 1817 года. Новые сотрудники МИДа обязательно знакомились и с содержанием документа Коллегии от 5 марта 1744 года о неразглашении служебной тайны, а также с указом Петра I «О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними». Пушкин должен был подписать эти два документа для получения доступа к секретным документам. Однако такие документы с автографами Пушкина в Архиве внешней политики России отсутствуют. Еще один интригующий факт. 13 августа 1822 года Александр I

издал так называемую антимасонскую клятву, которую в обязательном порядке должны были подписать все сотрудники МИДа. «Мы, нижеподписавшиеся, объявляем, что мы не принадлежим никаким ложам масонским или тайным обществам, внутри империи или вне ее существовать могущим, и что мы впредь принадлежать оным не будем». И под этим документом нет подписи Пушкина, хотя тогда он не отчислялся из штата МИДа. Наша версия сводится к следующему: либо Пушкин подписывал соответствующие документы в ином ведомстве, либо мидовские документы с автографом поэта по каким-то причинам исчезли. На наш взгляд, первая позиция более близка к исторической истине.

Любопытно, что в 1826 году император Николай I решил еще раз подтвердить своим указом антимасонскую клятву, поскольку, по попавшим в его распоряжение данным, МИД был «засорен масонами и членами других тайных обществ». Они, состоя в штате внешнеполитического ведомства, могли знать, подписал ли Пушкин антимасонскую клятву или нет. Это имело принципиальное значение для поэта, поскольку от этого зависел успех или неуспех задания, которое ему было поручено выполнить во время так называемой «южной ссылки» 1820 года в Бессарабию.

Внедрение в тайные общества

Ко времени появления лицеистов в МИДе всеми деламиправляли статс-секретари Иоанн Антонович Каподистрия и Карл Васильевич Нессельроде. Управление образованной в 1818 году Бессарабской областью находилось в руках статс-секретаря Иоанна Каподистрия. Он был министром иностранных дел Республики Ионические Острова, основанной адмиралом Ушаковым. По Тильзитскому миру 1807 года с Францией Россия уступила ей протекторат над этими островами. Каподистрия уехал в Санкт-Петербург, где был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел. В 1811 году, будучи секретарем русской миссии в Вене, он основал Гетецию филомуз – Союз греческих патриотов, который строился по принципу масонских структур.

....Весной 1820 года Пушкина вызвали к военному генерал-губернатору Петербурга графу М. А. Милорадовичу для объяснения по поводу содержания его эпиграмм, посвященных Аракчееву. По городу носились слухи, что Пушкина ссылают. Как писал Ф.Н.Глинка, «Гнедич с заплаканными глазами бросился к Оленину; Карамзин, как говорили, обратился к государыне, а Чеодаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался заложить слово за Пушкина». Но слова и слухи шли своею дорогою, а дело исполнялось по высочайшему повелению. Поэту было объявлено, что сочинение и распространение эпиграмм несовместимо со статусом государственного чиновника. Однако пушкинистами установлено, что автором эпиграмм на Аракчеева являлся не Пушкин, а Рылеев. То есть Пушкину выстраивали легенду неблагонадежного, готовя его перевод, а не ссылку, в кишиневскую канцелярию И. Н. Инзова. Существует еще одно подтверждение того, что Пушкин ехал на юг на выполнение оперативного задания. За две недели до принятия решения императором о переводе Пушкина на юг, когда о его отъезде из Санкт-Петербурга ничего не было известно, директор одного из департаментов МИДа Н.И. Тургенев 23 апреля 1820 года сообщал русским дипломатам в Константинополь: «Пушкина дело кончилось очень хорошо. У него требовали его оды и стихов. Он написал их в кабинете графа Милорадовича. Как сей последний, так и сам государь сказали, что это ему не повредит и по службе. Он теперь собирается ехать с молодым Раевским в Киев и в Крым». 6 мая 1820 года в Константинополь из Российской столицы следует еще одно письмо: «Пушкин завтра едет к Инзову. Государь велел написать всю его историю, но он будет считаться при Каподистрии».

17 мая Пушкин прибыл в Екатеринослав на место службы. Но случилось так, что, искупавшись в Днепре, он «простудился» и его отпустили лечиться на Кавказ на два месяца. Только для больного это была странная поездка. Маршрут – Ставрополь, Владимирский редут, станция при реке Безымянной, Прочный окоп, Царицынский редут, Темижбек, Кав-

казская крепость, Казанский редут, Тифлисский редут, Ладожский редут, Усть-Лабинская крепость, Карантинный редут, Екатеринодар, Мылаштровка, станица Ивановская, Копыл (Славянск), Курки. Далее – Темрюк, Пересыпь, Сенная. Наконец, 14 августа он оказывается в Тамани. Перешибается в Крым, следует из Керчи в Феодосию и оттуда на военном бриге в Гурзуф. Из Гурзуфа вместе с молодым Раевским Пушкин верхом на лошадях добирается до Ялты. Оттуда через Мисхор и Алупку направляется в Бахчисарай. Можно согласиться с теми исследователями, которые эту поездку поэта считают инспекторской по приграничным войскам, а не оздоровительной прогулкой. Все это развенчивает легенду, что Пушкин был сослан на юг за ненадлежащее поведение и порочные эпиграммы. Однако официальные власти не могли опровергать расхожие домыслы: не объявлять же во все-услышание, что сотрудник МИДа Александр Пушкин выполнял секретную миссию на юге накануне готовившейся войны с Османской империей.

В начале 1820-х годов Бессарабия была ареной крупных политических событий. Сам бессарабский наместник, генерал И. Н. Инзов увлекался модными тогда масонскими идеями, считался лицом, происхождение которого было весьма загадочно; молва упорно делала из него незаконного сына какой-то очень высокопоставленной особы, чуть ли не самого Павла Первого. В Кишиневе Пушкин оказался в гуще событий. Там было множество тайных обществ. Каждое из них преследовало собственные цели. В начале 1821 года вспыхнуло народное восстание в Валахии (историческая область между Карпатами и Дунаем). Его поднял Тудор Владимиреску. Поводом для выступления стала смерть господаря Валахии Александра Суццо. Восставшие объявили своей целью освобождение от ига местных бояр, а также фанариотов (перешедших на службу к туркам константинопольских греков, из числа которых назначались молдавские и валашские господа). Одновременно с этим активизировалась деятель-

ность тайных греческих обществ на юге Греции – в Морее. На севере вспыхнуло восстание гетерии.

23 февраля 1821 года греки под командованием сына молдавского и валашского господаря, генерал-майора русской армии, одного из руководителей тайной греческой организации «Фелике Гетерии» Александра Ипсиланти начали военные действия в Валахии. Но князь Александр Ипсиланти – бывший адъютант Александра I, личный друг российского министра иностранных дел Каподистрий – в Яссах совершил опрометчивый, хотя, возможно, и выверенный шаг. Он издал воззвание, в котором намекал на поддержку борьбы греков со стороны некой «державной силы». Император Александр I усмотрел в этом намек на Россию, на подрыв ее позиций в «Священном союзе». 9 марта 1821 года император, как бы в доказательство приверженности принципам сохранения в Европе незыблемости порядка, исключил Ипсиланти из русской службы. Сыграл ли в этом случае свою роль Александр Пушкин? Полагаем, что да, если анализировать под «разведывательным углом» сохранившиеся его записки о складывающейся ситуации в этом регионе империи. Для исследователей тут еще много тайн, поскольку многие доклады поэта в «центр» либо исчезли, либо до сих пор носят гриф «сов.секретно» в российских архивах.

Что же касается масонов, то любопытными выглядят «Записки» И.Д. Якушкина: «Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А.С. Пушкин выбежал ко мне с распостертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие. Василий Львович Давыдов, ревностный член тайного общества, узнавши, что я от Орлова, принял меня более чем радушно. Он представил меня своей матери и своему брату генералу Раевскому как давнишнего короткого своего приятеля. С генералом был сын его полковник Александр Раевский. Через полчаса я был тут как дома. Орлов, Охотников и я, мы пробыли у Давыдова

целую неделю. Пушкин, приехавший из Кишинева, где в это время он был в изгнании, и полковник Раевский прогостили тут столько же. Мы всякий день обедали внизу у старушки матери. После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать... Раевский, не принадлежа сам к Тайному обществу, но подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все происходящее вокруг него. Он не верил, чтоб я случайно заехал в Каменку, и ему хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я говорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к Тайному обществу или нет. Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение Тайнаго общества в России. Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайнаго общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести Тайное общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайнаго общества, которое могло бы быть хоть сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: «Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало Тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?» – «Напротив, наверное бы, присоединился», – отвечал он. «В таком случае давайте руку», – сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, все это только одна шутка». Пушкин... был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и

он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка».

В 1821 году Пушкин вступил в масонскую ложу «Овидий». «Кишиневские масоны, – сообщает А.В.Тыркова-Вильямс в своей книге "Жизнь Пушкина", – действовали довольно открыто». Но такая пора продолжалась недолго. На юге России началась реорганизация армии. Инзов оставил свою должность. Из управления МИДа была изъята Бессарбия, в результате и Пушкин остался не у дел. Его перевели в подчинение к графу С.М. Воронцову, который вскоре дал ему поручение по обследованию губерний, где «возродилась саранча». Поэт счел это оскорблением и подал в отставку. В августе 1822 года Александр I подписал указ об «уничижении масонских лож и всяческих тайных обществ». В указе сказано, что цель запрета лож – поставить преграду «всему, что ко вреду государства служить может», ибо «беспорядки и соблазны, возникшие... от существования разных тайных обществ, из коих иные под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших, другие занимаясь сокровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствия государства». Тем не менее, многие сотрудники МИДа и даже члены декабристских тайных организаций имели предписание сохранить членство в масонских ложах «по государственным соображениям».

Так что Николай I вернул Пушкина в одно из самых секретных учреждений России, каковым являлся МИД, допустил его к наиболее секретным документам России, архивам собственной семьи, а также к материалам восстания под руководством Емельяна Пугачева. И в находке Светланы Бойко неизвестного автографа Пушкина, выявлении ею факта поездки поэта в 1830 году в Казань, и его указании в подорожной тетради «чина повыше» нет ничего удивительного. Подобных таинственных поездок поэта по городам и весям

империи было множество. Мы уверены, что работа в архивах на этом направлении может преподнести пушкинистам еще немало исторических сюрпризов. Автор этих строк связался со Светланой Андреевной Бойко и ознакомил её с разработанной им версией. Последовал короткий ответ: «А почему бы и нет!».

Подробности: <http://www.regnum.ru>. Любое использование материалов допускается только при наличии гиперссылки на ИА REGNUM

Владимир Крыжановский

в 1966 окончил Свердловское театральное училище. В 1974 году снимался в фильме В.Я. Мотыля «Звезда пленительного счастья» в роли А.С. Пушкина. С тех пор занимается собиранием материалов, связанных с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, и изучением иконографии поэта. В 2006 году выпустил полноцветный «Путеводитель по портретам Пушкина»

Забытый знакомый А.С. Пушкина

13 декабря 1821 года Александр Пушкин с Иваном Липранди выехали из Кишинева в сторону Аккермана. Поездка была связана с поручением генерала Орлова произвести подполковнику Липранди следствие в 31-м и 32-м егерских полках.

Не будем описывать все их путешествие, а остановимся на 23 декабря, дне их возвращения в Кишинев. Вот воспоминания самого Ивана Петровича Липранди:^{*} « В г. Леово мы въехали к подполковнику Катасанову, командиру казачьего полка. Он был на кордонах; нас принял адъютант, с ним живший. Было 10 ч. утра. Напившись чаю, мы хотели тотчас выехать, но он нас не отпустил, сказав, что через час будет готов обед. Мы очень легко согласились на это. Потолковали о слухах из Молдавии; через полчаса явилась закуска: икра, балык и еще кое-что. Довольно уставши, мы выпили по порядочной рюмке водки и напали на соленья; Пушкин был большой охотник до балыка. Обед состоял только из двух блюд: супа и жаркого, но зато вдоволь прекрасного донского вина. Желание Пушкина выпить кофе удовлетворено быть вскоре не могло, и он был заменен дульцецей. Когда мы уже сели в каруцу, нам подали еще вина, и хозяин, ехавший вер-

^{*}А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: 1974. Т. I. – С. 312.

хом, проводил нас за город». Катасанов. Кто такой Катасанов? Смотрим словарь Черейского. Катасанова в словаре нет. Странно. Как вспоминает К.П. Богаевская**, в шестидесятых годах (XX века – В.К.) Т.Г. Цявловскую посещал ленинградец Лазарь Абрамович Черейский, инженер, тихий человек, который самоотверженно занимался знакомыми Пушкина, составил полезную книгу, но впихнул туда чуть ли не грудных детей. Грудных детей впихнул, а Катасанова нет. Почему? Видимо, Лазаря Абрамовича смущило уточнение Липранди о том, что встречал их адъютант, а сам хозяин был на кардонах. (Адъютант обязан был послать нарочного с сообщением для подполковника о приезде гостей, а сам тем временем занимать их беседами). До прибытия командира адъютант поил гостей чаем и когда те уже собирались уезжать, не отпустил, сославшись на готовившийся и через час подаваемый обед. (Надо думать обед готовился не только для гостей, но и для подполковника, который должен был появиться в ближайшее время). Эта задержка на час, давала возможность Катасанову закончить свои «кардонные» дела и присоединиться к гостям. Несправедливо думать, что Катасанову не интересно было общение с молодым, начинающим, но уже известным поэтом и подполковником ставки генерала Орлова. Да и указание Липранди о том, что **хозяин** (не адъютант), ехавший верхом, проводил их за город, дает нам возможность предположить в подполковнике Катасанове еще одного знакомого А.С. Пушкина.

** НЛО 1996, № 21. – С. 116.

Чаши юбиляры

К 80-летию Юрия Ключникова

Литературный процесс в Новосибирске трудно представить без Юрия Ключникова – поэта, философа, просветителя, руководителя общественного объединения «Русский клуб».

Его путь к признанию хотя и не прям, но последователен. Он не врвался в поэзию в пору благодатной оттепели; когда юные бунтари, его ровесники, своим токованием завораживали толпы в Политехническом музее. Он не печатался в эпатажном «Метрополе». Местные же СМИ (Ключников – новосибирец) его демонстративно не замечали. И этому были по тому времени особые причины. Обвинённый в богоискательстве, журналист и литератор был отвергнут системой, негласно лишен перспектив карьерного роста, помещён в вакuum безвестности. Однако превратности судьбы не сломили отступника, не поколебали его убеждений. Со смиренением и одержимостью страстотерпца Юрий Ключников продолжает духовное восхождение в поисках своего Белого Острова. А Белый Остров этот мир в гармонии и согласии под эгидой Зиждителя, любимое, но неласковое Отечество и... вечная, неувядашая поэзия. В ней литературный изгой черпает силы и несокрушимое жизнелюбие. Смена государственной идеологии не становится для Юрия Ключникова фактором морального реванша, напротив – подвигает на переосмысление прошлого, на оправдание и защиту многоного, что растаптывается ныне политическими манкуртами. Угроза обрушения скреп русского мира, фальсификация его истории и осмияние святынь «сукиными и волчьими сынами демократии» приводят поэта в стан активных государствников, поборников национального возрождения, гражданская тема становится доминантой его творчества. И оно (его творчество) отнюдь не «глас вопиющего в пустыне». Ему благожелательно внимали столпы русской словесности: Виктор Астафьев, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Юрий Селез-

нев, Валентин Сидоров и др. Одна за другой в столице выходят его книги: «Стихия души», «Годовые кольца», публицистическая – «Лики». Растет число поклонников его суровой Музы и в нашем городе. По воскресеньям они собираются во Дворце культуры железнодорожников, дабы послушать чеканные строки и философические размышления несгибаемого «солдата великой Империи».

*Люби платок необозримо-синий
И малую горошину – село.
Люби до гробовой доски Россию,
Каким бы злом тебя
не обожгло...
Не запятнай себя и каплей
злобы,
Сумей понять ее высокий лад.
И не спеши судить ее изломы.
Ведь ты не знаешь, что они
сулят.*

В Новосибирске живёт и творит воистину замечательный поэт.

*Руководитель литературного объединения «Молодость»
Евгений МАРТЫШЕВ*

Великое число

Москва, Москва, не торопись
прощаться
С отвергнутыми числами войны.
Ты вспомни, как шагали
по брусчатке
Седьмого ноября твои сыны.
В те месяцы разгромной
нашей смуты,
В те дни почти безвыходной
тоски,

В режиме катастроф

*Гвозди бы делать из этих людей!
Н. Тихонов*

Мы сердцем торжество
России чуем,
пусть даже рвётся тонкий
миокард.

Живём надеждой, выживаем
чудом,
не верим в нам накарканный
закат.
Кладём на плечи, словно
на КамАЗы,
весь груз проблем своих
и мировых.
Из нас не гвозди делать бы —
алмазы
для самых архипрочных буровых.
Вот и теперь неделю за неделей
морозы атакуют нас подряд.
В столице тридцать, в Омске
сорок девять,
а в Магадане минус шестьдесят.
Когда в Европе, скажем,
минус двадцать —
там даже липы сонные дрожат.
А мы привыкли только
согреваться
на наших бесконечных виражах.
Врагов всегда смущала и бесила
неординарность наших
душ и троп,
а также то, что выдумку и силу
мы черпаем в режиме катастроф.

Диктатор

Я бы с ним сработался едва ли,
превратился бы, наверно, в прах
в братской яме,
или же дневалил
где-нибудь в колымских лагерях.
Сердце ноет, вспоминая это.
Но ведь помним и другое мы —

в царствие его была планета
спасена от ядерной зимы.
Это нынче расхрабрились черти,
а в ту пору на войне святой
жизнь тащили по ухабам смерти
и они под грозною пятой.
Он для нас загадка из загадок:
До сих пор покоя не даёт.
Кто его зовёт исчадьем ада,
кто своим заступником зовёт.
А Заступник Главный и Спаситель
повторяет мёртвым и живым:
– Не судите, люди, не судите, не судимы будете и вы.

Размышления о демократии

*Паситесь, мирные народы,
Вас должно резать или стричь.*

А. С. Пушкин

Что бездумных овец,
к сожалению, тыщи,
я в открытии этом, конечно,
не нов,
как и в том,
что в кустах демократии рыщет
много сукиных, волчьих
и прочих сынов.
Заболтали совсем мы
Отечество наше.
Молчаливая память стучится
в стихи.
Если много баранов
и пастбищ, и пашен,
то куда же девались с полей
пастухи?
Я горой за гуманность,
за разные стили.

Пусть фонтанами льётся
свободная речь.

Но когда пропадаем
от крыс и рептилий,
я – за кнут, я за палку –
и даже за меч.

Видно, нам не уйти
от крещения кровью.

Пусть вернётся сурового
времени дух,
если с ним возвратятся
покой и здоровье,
и свобода от змей,
от зверей и от мух.

Ясность

Даже дьявол России
не страшен,
если ясно, где «нет», а где «да».
Там – ливонцы, за озером –
наши,
здесь – Москва, за Непрядвой
– орда.

У каких же костров обогреться
Сложно нынче на русской земле.
Что теперь на уме и на сердце
у князей современных
в Кремле?

Ни костра и ни звёздочки.
Вечер.

Ты с отчизной один на один –
и судья, и истец, и ответчик,
и надежда притихших равнин.
В уши лезет назойливый
скрежет,

как нам рыночный рай
заслужить.
В силе черти. Но это же нежить.
Им не жить, понимаешь,
не жить.
Им бы только втащить тебя
в омут,
чтобы вместе и вниз головой...
Потому так пронзительно
громок
их торговый нерадостный вой.
Давит каждого время сурово,
разделяя на масло и жмых.
Ясность есть – оставаться
Здоровым
среди мёртвых, безумных,
больных.

Молодым

Поучать не хочу,
жизнь сама вас научит:
обломает рога,
шоры с глаз уберёт.
Есть у каждой эпохи и солнце,
и тучи,
есть у каждой души свой крутой
поворот
или вверх, или вниз,
остальное – детали...
Вон Георгий опять поднимает
копьё.
Мы Россию в боях никому
не отдали,
вы на ваших торгах
не продайте её.

Изобразительная Пушкиниана

*Александр Гдалин
Маргарита Иванова*

ГДАЛИН Александр один из авторов книг «Памятники А.С. Пушкину на Псковской земле» (2003), «Пушкин и Петербург» (2009), автор статей в Пушкинской энциклопедии «Михайловское» (Том 1-й, 2993), один из составителей двухтомной «Лицейской энциклопедии» (Том 1, 2010). В 2007-м совместно с М.Р. Ивановой выпустил энциклопедический каталог «Сражавшийся Ленинград: почтовая открытка», который удостоен международной Анциферовской премии в номинации «Лучшая популярная работа о Петербурге, опубликованная в 2007–2009 гг.». Член Международного Пушкинского общества (1997), член Союза профессиональных литераторов России (1992)

ИВАНОВА Маргарита совместно с А.Д. Гдалиным на протяжении ряда лет работала над созданием энциклопедического каталога «Сражавшийся Ленинград: почтовая открытка» (2007), за участие в создании которого удостоена звания лауреата Анциферовской премии. Принимает участие в создании многотомной истории памятников, воздвигнутых в честь А.С. Пушкина на всех континентах планеты; опубликовала книгу «Памятники А.С. Пушкину на псковской земле» (2003)

Пушкин в Мадриде

«Пушкин и Испания» – тема исключительно многогранная. Одной из её сторон был живой интерес поэта России к народу этой страны, ее истории и литературе, к современным ему событиям. Отклики такого интереса (испанские мотивы) мы находим в творчестве различных периодов – стихотворное послание «В.Л. Давыдову» (1821), «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824), «Пред испанкой благородной...», пьеса «Каменный гость» (1830), упоминание о революционных событиях в Испании «Тряслись грозно Пиренеи...», в сохранившихся строках десятой (со-

жженной) главы «Евгения Онегина» (1830), стихотворением «На Испанию родную» (1835) и др. Насколько глубок и серьёзен был интерес Пушкина, можно судить по наличию в его библиотеке¹ большого количества книг испанских авторов (Кальдерон, Лопе-де-Вега, Сервантес и др.), книг об Испании, словарей и справочников по испанскому языку [13].

Другая грань этой темы проявилась в стремлении Пушкина овладеть испанским языком. С.Л. Пушкин, отец поэта, давая пояснения к биографии сына, указывал, что «он выучился в зрелом возрасте по-испански»² (речь идет о 1832 г., то есть тогда, когда поэту было 33 года). Для своих упражнений в изучении испанского языка Пушкин избрал новеллу высоко ценимого им Сервантеса «Цыганочка». Комментируя впервые опубликованные в 1935 г. тексты, Т.Г. Зенгер указывает, что язык Пушкин «понимал настолько, что мог уловить смысл предложения и сделать перевод как с испанского, так и на испанский без словаря»³.

Наконец, не менее важной гранью названной темы являются восприятие и изучение творчества поэта в Испании, переводы его произведений (первый из них появился в 1847 г.), популяризация его жизни и творческого наследия. Эти вопросы весьма широко освещены в специальной литературе, неизменно подтверждая, что Пушкин – это явление интернациональное, по праву ставшее неотъемлемой частью мировой, общечеловеческой культуры.

Один из самых романтичных парков близи центра испанской столицы, носящий название «Фуэнте дель Берро» («Fuente del Berro»), является венчозеленым поэтическим уголком города, его аллеи названы именами почитаемых деятелей искусств – поэтов, композиторов, художников. Среди

¹ См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. – С. 146, 149, 183, 188, 260, 317, 330, 338 и т.д.

² Отечественные записки. СПб. 1841. Том XV, особое приложение.

³ См.: Зенгер Т.Г. [Цывловская]. Изучение языков и переводы // Рукоять Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Труды Пушкинской комиссии ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР. М; Л.: «Academia», 1935. – С. 83–87.

украшающих парк нескольких памятников выдающимся поэтам – испанским и иностранным – возвышается бронзовый монумент А.С. Пушкина.

Появление этого памятника отразило «*тревоги и надежды того времени, но основное – культура, духовные связи, прочно объединяющие народы наших стран*»⁴, – писал посол СССР в Испании Ю.В. Дубинин. Это ему и алькальду (мэру) Мадрида Э.Т. Гальвану⁵ мы обязаны тем, что уже более четверти века существует мадридский Пушкин.

В наши дни обмен памятниками стал привычной формой культурного сотрудничества. Тогда же идея мэра Мадрида была внове.

Став столичным мэром, в конце 1979 г. Э.Т. Гальван подписал протокол о взаимном сотрудничестве с Моссоветом (такое предложение благожелательно было встречено тогдашним «бессменным» председателем Моссовета В.Ф. Промысловым), а весной 1980-го появилось соглашение о дружественных связях, в рамках которого предусматривалось *взаимное сооружение памятников*.

Э.Т. Гальван преподнес Москве памятник Сервантесу⁶ и, когда речь зашла об ответном даре, «*деликатно дал понять, какой дар был бы особенно приятен мадридцам*».

Итак, Пушкин и именно Пушкин – посол Москвы в Мадриде. Журналист-международник А.А. Красиков, чьи слова мы процитировали [13], был непосредственным участником событий, предшествовавших установке памятника, и береж-

⁴ См.: Дубинин Ю.В. Пушкин в Мадриде // Независимая газета. М. 1999. 12 февр. – С. 13; Дубинин Юрий Владимирович (1930) – дипломат, проф. Ин-та международных отношений, в разные годы был послом СССР при ООН, во Франции, Испании (1978–1986), США, Украине.

⁵ Энрике Тьерно Гальван – политический деятель, был солдатом Народного фронта во время гражданской войны, узник концлагеря франкистов, один из создателей антифранкистской демократической хунты. После смерти Франко восстановлен в правах, активный политик, участник антивоенного движения, мэр Мадрида.

⁶ Установлен в ноябре 1981 г. в Московском парке дружбы на Ленинградском шоссе.

но сохранил подробную летопись событий и – что не менее важно – опубликовал запись своей беседы с автором мадридского памятника О.К. Комовым (1932–1994), народным художником Российской Федерации, чл.-корр. Академии художеств СССР, лауреатом гос. премий.

Олег Константинович Комов обратился к образу Пушкина в середине 60-х годов. Он стремился уйти от привычных скульптурных стереотипов, искал «своего», живого Пушкина. Его первой монументальной работой стал памятник в селе Пушкино под Кишиневом (прежнее наименование Долна), где молодой Пушкин нашел приют в доме бессарабского помещика З. Ралли. Установленный на полянке неподалеку от усадьбы небольшой памятник стал составной частью пейзажной композиции, создавая ощущение впечатления присутствия поэта. Он изображен в свободной, одухотворённой позе, *«опирается на каннелированную колонну. Это – некоторая дань классичности. Молодой Пушкин – еще недавний лицеист, воспитанный на классических образцах античности, сам сравнивавший свою судьбу с судьбой Овидия... Скульптор не назойливо, тактично вводит нас в круг этих ассоциаций и воспоминаний, связанных с ранним творчеством поэта»*⁷. И именно таким – человеком сильных страстей и мятежных настроений – увиделся Пушкин О.К. Комову, получившему предложение подготовить памятник для Мадрида. Поэтому не новое скульптурное произведение, а фигура «молдавского» Пушкина стала основой для создания «испанского» проекта. *«Я несколько поменял положение руки, внес целый ряд других корректив... И, как я ожидал, – писал О.К. Комов, – этот вариант понравился также испанцам. Почему? Может быть, и потому, что он преисполнен романтизма, а испанцы не только борцы и бунтари, но и романтики...»* [12].

Важным вопросом, тесно связанным с «приходом» Пушкина в Мадрид, был выбор места установки памятника. В

⁷ Воронов Н.В. Олег Константинович Комов. Л.: «Худ. РСФСР», 1982. – С. 61.

городе, буквально насыщенном различными монументами, нужно было найти «точку», где бы среди них он не потерялся. Именно поэтому первоначальная идея использовать один из парков в самом центре города, около знаменитого музея «Право» (парк «Ретиро»), оказалась неудачной. И снова – Э.Т. Гальван: именно он предложил установить памятник в парке «Фунэнте дель Берро».

Фигуру отлили из бронзы в Подмосковье, на Мытищинском заводе художественного литья

имени Е.Ф. Белашовой, после чего полутонненная «посылка» специальным грузовым самолетом была доставлена в Мадрид.

Восприятие памятника во многом зависит от общего архитектурного решения, от его постамента. В течение 70-х гг. уже сложился семейный «монументальный тандем» Комовых – Олег Константинович и его супруга Нина Ивановна. Профессиональный архитектор, она стала его соавтором-архитектором в памятниках Пушкину (Калинин-Тверь, Болдино), Репину, Венецианову. Подготовила она проект постамента и для мадридского памятника, но свой вариант подготовил главный архитектор Мадрида Хорхе Паласиос. В этой ситуации, по предложению О.К. Комова, провели конкурс. Рассмотрение проектов обнаружило их почти полную идентичность, поэтому у постамента этого памятника значатся два автора.

Памятник был торжественно открыт 27 января 1981 года в рамках проведения первой недели Москвы в Мадриде⁸. Здесь были официальные представители Москвы и Мадри-

⁸ На открытие памятника испанские газеты откликнулись репортажами и фотоматериалами, см., например: El País. 27, 28/01.1981.

да, многочисленные жители испанской столицы, торжественность моменту придавало присутствие О.К. Комова. После выступлений Ю.В. Дубинина и Э.Т. Гальвана⁹ был раздвинут символический занавес, тактично устроенный у пьедестала, и открылась укрепленная на нем дощечка с надписью на испанском языке: «Великому русскому поэту Александру Пушкину | 1799–1837»; на тыльной стороне постамента, под колонной, выбиты слова: «Из города Москвы городу Мадриду | 27 января 1981». Прозвучали гимны обеих стран, выступление испанского поэта со стихами о Пушкине, потом дети читали стихи Пушкина, особенно трогательно они звучали из уст маленьких испанцев – учеников пушкинских курсов русского языка в Мадриде. Церемония завершилась исполнением Героической симфонии П.И. Чайковского.

Вспоминая день открытия этого монумента, О.К. Комов писал о том, что на Западе очень внимательно относятся к местоположению памятника. Он остался доволен тем, что точка зрения людей, определявших мадридский адрес Пушкина, совпала с его мнением. Скульптор заключил свою мысль так: «Хорошо, конечно, когда поэт стоит на большой площади. Вокруг кипит жизнь: троллейбусы, трамваи, спешащие люди. Но мне кажется неплохо, если около памятника господствует тишина, едва слышен шум ветра, поют птицы, время от времени хрустит гравий на дорожке в такт шагам случайных прохожих. Думается, такая обстановка дает возможность мысленно беседовать с поэтом, как бы войти с ним в психологический контакт. И именно такое общение раскрывает человечность гения»¹⁰.

Заключая эту краткую историческую справку, отметим главное – испанцы относились и продолжают относиться к поэту России с неизменной симпатией, а мадридский памятник всегда украшен живыми цветами.

⁹ Полный текст выступления Э.Т. Гальвана опубликован в Независимой газете (сноска 4).

¹⁰ Комов О.К. Как дань привычную, любовь я принесу // Искусство. М. 1987. № 6. – С. 26.

Краткая библиография

1. Известия. М. 1980. 19 июля [Инф. о предстоящей установке памятника поэту в Мадриде].
2. Una estatua del poeta ruso Puskin, al parque de la Fuente del Berro // El País. Madrid. 1981. 27 de enero.
3. Estatua del poeta sovietico Puskin Berro // El País. Madrid. 1981. 28 de enero.
4. Памятник Пушкину в Мадриде // Веч. Москва. 1981. 28 янв.
5. Puskin-emlekmüvet // Nepzava. Budapest. 1981. 29.01. [С. 8].
6. Памятник Пушкину открыли в Мадриде // Сов. культура. М. 1981. 3 февр.; 6 февр.
7. С.Г. [С.С. Гейченко]. Гений европейский, слава всемирная // Пушкинский край. Пушкинские Горы, Псковская обл. 1981. 10 февр. – С. 3.
8. Солнцева Л. Памятник Пушкину в Мадриде // Моск. новости. 1981. № 7. 15 февр.
9. Дар Москвы Мадриду // За рубежом. М. 1981. № 8.
10. Багно В.Е. К теме «Пушкин в Испании» (Новые материалы) // Временник Пушкинской комиссии. 1980 / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкинская комиссия. Л.: «Наука». 1983. – С. 163–168.
11. Букалов А. Пушкин в Мадриде, Сервантес в Москве... // В мире книг. М. 1984. № 2. – С. 56.
12. Комов О.К. Истоки мои в Снигирях: [Беседа со скульптором] // Ленинское знамя. М. 1985. 16 июня.
13. Красиков А.А. «От царскосельских лип до башен Гибралтара»: Памятник А.С. Пушкину в Мадриде // Памятники Отечества: Альманах ВООПИК. № 2. М. 1986. – С. 163–165.
14. Соколов М. Пушкиниана Олега Комова // Скульптура-10: Сб. статей. М.: «Сов. художник». 1986. – С. 258.
15. Комов О. От Болдина до Куопио // Лит. газета. М. 1987. 11 февр.

16. Осмоловский Ю. Олег Комов: Альбом. М.: «Сов. художник». 1988. – С. 5, 7, 32.
17. Гдалин А.Д., Дровеников Г.А., Попелюхер И.Л. Памятники А.С. Пушкину: Материалы к аннотированному каталогу // Временник Пушкинской комиссии: Сб. научных трудов. Вып. 25 / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкинская комиссия. СПб.: «Наука». 1993. С. 91.
18. Кононов В.И. Памятники А.С. Пушкину. Воронеж: ИПФ «Воронеж». 1999. – С. 149–150.
19. Пыхонин А.А. Мы памятник ему воздвигли: Фотоальбом. Нижний Новгород: «Бегемот», 2007. № 196.

Владимир Крыжановский

**Дополнение к библиографии иконографии
А.С. Пушкина***

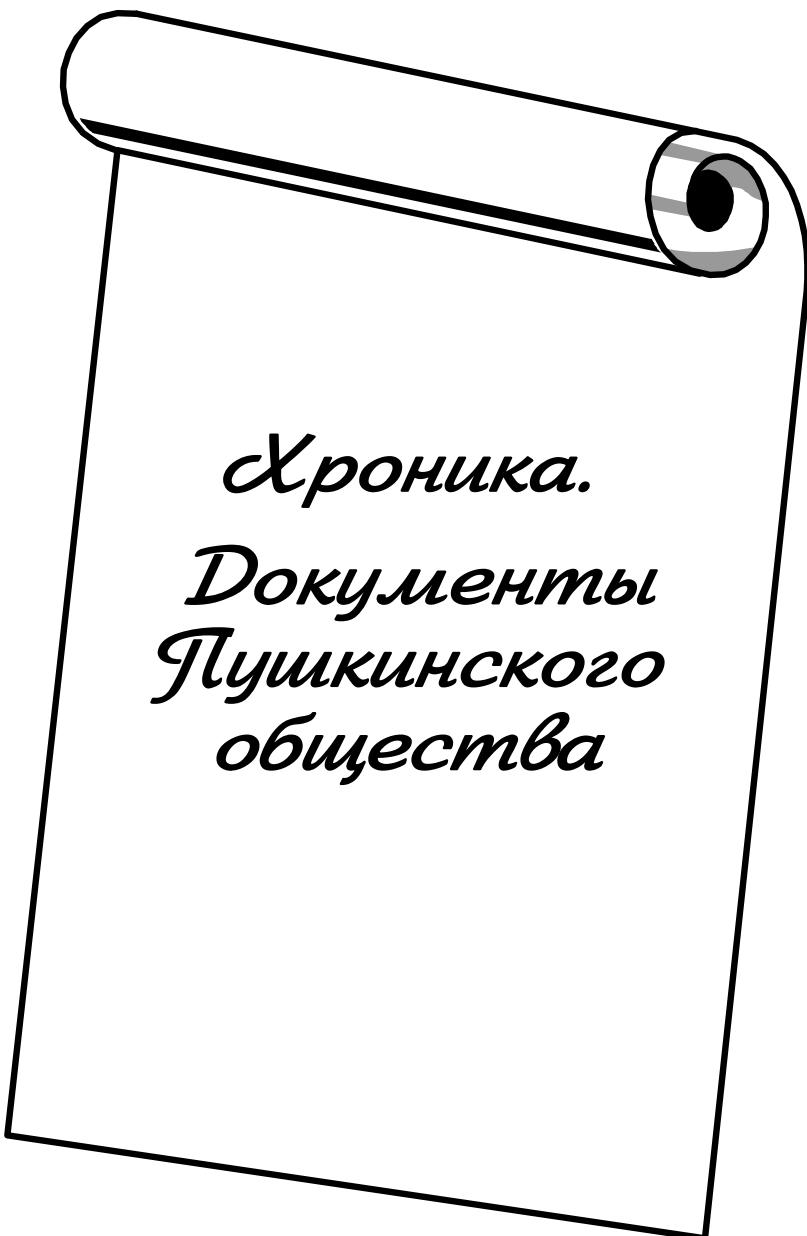
1. Аякс [Измайлов А.А.]. О портрете Пушкина работы О.А. Кипренского// Петрогр. листок. – 1916. – № 196. – С. 5.
2. Архив Раевских. Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. Изд. П.М. Раевского. Т. IV. СПб. – Пгр. – 1912–1915. – С. 495.
3. Безвершенко Н. Дом Ваньковичей в Большой Слепянке// Минский курьер. – 2006. – 27 февр. – С. 11.
4. Бобылева В., Гайнуллин М. Посмертная маска. – Эстонская Пушкиниана. – Таллин, 1999. – С. 220–222.
5. Бэлза А. Из истории русско-польских музыкальных связей. – М.: 1955.
6. Гнедич П. Иконография внешнего и внутреннего образа Пушкина // Утро России, 1916, № 239, 27 авг. – С. 5.
7. Голдовский Г. Художники братья Чернецовы и Пушкин. – СПб.: Гос. Русский музей, 1999.
8. Голлербах Э.Ф. Портреты Пушкина. – Ленинградское общ-во библиофилов. ЛII заседание, посвященное 90-летию со дня смерти А.С. Пушкина 20 февр. 1927 г. – Л.: изд. Ленингр. общ-ва библиофилов, 1927.
9. Дементьев А. Этот таинственный Доу// Наука и жизнь. – 2002. – № 6. – С. 48–56.
10. Камышников Л. Тень Пушкина // Южн. мысль. – № 125. – С. 11.
11. Кончин Е «Портрет А.С. Пушкина» [История портрета и перстня]. Сов.культура, 1972, 20 мая.
12. К рисункам и портретам// Московский листок, прибавление к № 146, 1899, 27 мая, № 21. – С. 14–15.

* Начало в «Пушкинском альманахе» № 2,6,7,8,9.

13. Лернер Н. Пушкин [О.А.] Кипренского // Биржев. вед. – 1916. – № 15875. – С. 2.
14. Либрович С. Мaska Пушкина // Новое время, 1895, 31 июля.
15. [Б.и.][Маска Пушкина] // С.-Петербургск. Вед, 1900, № 45.
16. Моппель Х. От вас беру воспоминание, а сердце остаю вам // Советская Эстония, 1988, 17 июня.
17. Нейман М. Образ поэта // Советское искусство, 1935, 5 окт.
18. Новонайденный портрет Пушкина // Новое время, 1906. – 4(17) окт.
19. Н.Ш. Заметка о портрете Пушкина // Русский, 1868. – № 119.
20. Новости литературного мира// Изв. книжн. магаз. Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии, 1916. – № 4, апр. – С. 2.
21. Петров С. Образ А.С. Пушкина в медальерном искусстве // Юный художник. – 1999. – № 4. – С. 34–35.
22. Портрет А.С. Пушкина// Русск. вед. – 1916. – № 140.– С. 3.
23. Портрет А.С. Пушкина // Утро России. – 1916. – № 169. – С. 5.
24. Портрет А.С. Пушкина [кисти О.А. Кипренского] // Веч. время. – 1916. – № 1444. – С. 3.
25. Проценко А. Загадка автопортрета А.С. Пушкина // Приазовский рабочий, 2007, 6 июня.
26. Проценко А.Д. Рисовал ли Тарас Шевченко Пушкина? – Записки Мариупольского краеведа. – Мариуполь, 2008. – С. 143–145.
- 27.Пушкинский праздник // Спбургские ведомости, 1880. – № 139.
28. [Б.п.] Редкий портрет А.С. Пушкина // Литературная газета, 1951, 20 сент. – С. 3.
29. Рубец А.А. Столетний юбилей Александровского, бывшего Царскосельского лицея. Октябрь 1911 г. – Январь 1912 г. – СПб.: Изд. Александровского лицея. – 1912. – С. 15–20.

30. Русаков В. История портретов Пушкина// Новь, 1888.
–Т. XX.– № 5.
31. Садовский Б. Новый портрет Пушкина // Утро России. – 1916. – № 218. – С. 5.
32. Старк В.П. Наталья Гончарова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 186.
33. Строев М. Неизвестный портрет Пушкина // Веч. Москва, 1936, 22 окт.
34. Филиппов И. Неумирающие темы. Литературные очерки. – Одесса.: Изд. Г.Н. Навроцкого, 1913. – С. 28–34.
35. Филиппов И. Пушкин в 1832 г. // Изв. Одесск. библиограф. общества, 1915. – Т. III. – Вып. 4–5. – С. 201–204.
36. Цветков Д.А. Старица и окрестности. – М.: Моск. рабочий, 1977. – С. 129–132.
37. Черейский Л. Пушкин и художник Ванькович // Сов. Литва. – 1958, 9 янв.
38. Ч-н, И. [И.Д. Четыркин]. К портрету А.С. Пушкина. – Известия Калужской ученой архивной комиссии 1899 года, выпуск 1. Калуга, 1899. – С. 3–4.
39. Щукинский сборник. – Вып. IX – X.–М.: 1910–1912. – С. 354 – 355.

*Хроника.
Документы
Пушкинского
общества*

*Губернатору Новосибирской области Юрченко В.А.,
мэру г.Новосибирска Городецкому В.Ф., депутатам За-
конодательного собрания НСО и городского Совета де-
путатов*

ОБРАЩЕНИЕ

Новосибирское региональное Пушкинское общество и граждане Новосибирска и Новосибирской области, которые связывают будущее нашего города, его нравственные ориентиры с именем А. С. Пушкина, хотят получить ответ на вопрос: «Когда же в Новосибирске, так называемой «столице Сибири», будет установлен памятник Пушкину?»

Новосибирск – единственный крупный город за Уралом, в котором неувековечена память великого русского поэта. Более пятисот памятников поэту воздвигнуто благодарным человечеством на всех континентах планеты Земля (кроме Антарктиды, не населенной постоянными жителями). Наличие памятников облагораживает и объединяет людей различных наций и народностей, говорящих на разных языках, имеющих разный цвет кожи, людей разных возрастов, сословий и званий, делает их братьями по духу, нравственности и чести. Где Пушкин, там честь, совесть, патриотизм, высокая нравственность, сострадание к обездоленной части человечества, благородство. Именно этим нравственным богатством так беден мир сегодня. А ведь живущие ныне поколения – не последние люди на Земле. Так не будем же обирать молодые поколения духовно, лишая их общения с Пушкиным. Чтобы грядущие поколения не презирали нас за убожество мысли и отсутствие идеалов, нужно помнить, что каждый из нас – новосибирец, гражданин и патриот, в долгую и перед Пушкиным, и перед молодежью.

Что мы сегодня имеем в память о Пушкине? – Жалкие остатки улицы Пушкина из четырех домиков (островок заб-

вения), которую не могут отыскать даже жители Центрального района, библиотеку имени Пушкина на окраине города, да спасенный от вандалов бюст поэта, переехавший усилиями новосибирского Пушкинского общества из Заельцовского парка на школьный двор Новосибирского городского Педагогического лицея имени Пушкина (ул. Добролюбова, 100). Неужели судьба памятника будет решаться не в тиши кабинетов, а на полях сражений?! Не пора ли вспомнить, господа власти предержащие, зачем вы пришли во власть. Если в настоящее время ситуация складывается так, что «прибыль превыше всего», то не следует забывать, что «честь выше прибыли». Конечно, спокойнее видеть Россию без Пушкина, народ превратить в безгласное население, а могучее когда-то государство в geopolитическое пространство.

*И без Пушкина можно прожить,
И без музыки Моцарта тоже,
Без всего, что духовно дороже,
Без сомнения, можно прожить –
Даже лучшее, спокойнее, проще,
Без нелепых страстей и тревог,
И беспечней, конечно, и дольше...
Только как этот вынести срок?*

*Председатель правления Новосибирского регионального
Пушкинского общества* *Н.П.Трухина*

10.02.2011 г. Новосибирск

Губернатору Новосибирской области
Юрченко В.А.
Мэру Новосибирска
Городецкому В.Ф.
Депутатам областного Законодательного
собрания и городского Совета

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Пора преодолеть пренебрежение к памяти Пушкина

В 2012 году исполнится 175 лет со дня гибели А.С. Пушкина. Вклад российского гения в мировую культуру ценится во всем мире. Памятники поэту возведены во многих странах на всех, кроме Антарктиды, континентах. Сотни памятников поэту украшают города и веси России, в том числе все региональные центры Сибири. Нет памятника Пушкину только в областном центре Новосибирской области, который является еще и «столицей» Сибирского федерального округа, о необходимости повышения имиджа которого так много говорят местные власти.

Посильный вклад в дело сохранения памяти А.С. Пушкина в Новосибирске вносит общественность. Имя поэта теперь звучит в названии городского педагогического лицея, в лицее создан музей А.С. Пушкина. Пушкинским назван литературно-публицистический альманах, издаваемый Новосибирским региональным Пушкинским обществом. Благодаря общественникам имя Пушкина стало чаще звучать в Новосибирской области.

Но вот взвести в областном центре памятник Пушкину без участия областной и городской власти, без вашего личного участия, общественникам не под силу.

Напомним хронику нерешения этого вопроса.

Впервые письмо группы горожан с предложением возвести памятник Пушкину в Новосибирске зарегистрировано в администрации НСО 03.12.02, а 16 января 2003 года это письмо было опубликовано в «Советской Сибири» как открытое обращение граждан к губернатору и мэру Новосибирска. Идея сооружения памятника была поддержана общественностью и деятелями культуры. Губернатор, отвечая на вопрос тележурналиста, заявил, что мечтает о памятнике Пушкину и сделает все, чтобы такой памятник в Новосибирске появился.

Увы, только через год, 04.12.03, было подписано распоряжение главы администрации НСО №1563-р «О создании памятника А.С.Пушкину», которым, в том числе, поручалось мэрии Новосибирска «проводить конкурс на лучший проект архитектурно-художественного решения памятника». Через 4 месяца, 08.03.04г., главный архитектор города сообщил инициаторам, что «в поддержку инициативы оргкомитета Новосибирского отделения Пушкинского общества, распоряжением мэра Новосибирска создается рабочая группа по сооружению памятника. Но, судя по всему, рабочая группа и не думала работать. Понадобилось еще два с половиной года, чтобы, наконец, под давлением общественности мэрия приступила к выполнению поручения губернатора и объявила о проведении с 11 сентября 2006 года конкурса на лучший проект памятника Пушкину в Новосибирске. 19 декабря 2008 года проект памятника был-таки утвержден и было заявлено, что памятник Пушкину будет сооружен в парке «Центральный» в ходе реконструкции театра музыкальной комедии и прилегающей к театру территории парка.

Увы, прошло еще два года, но вопрос о сооружении памятника до сих пор не решен и не решается. Есть опасения, что и не решится.

Как следует из интервью министра культуры областного правительства («Вечерний Новосибирск», 30.12.10), сейчас «решается вопрос со строительством нового здания театра музыкальной комедии и в бюджете это предусмотрено». Главное, считает министр, определиться, что это будет: театр в

парке или парк при театре. Принять решение должен «градостроительный совет при губернаторе».

Беспокоит то, что ни министр культуры, в чьем ведении театр, ни представители мэрии, в чьем ведении парк, даже и не вспоминают, что перед фасадом театра в парке «Центральный» определено место для сооружения памятника Пушкину. Похоже о памятнике опять забыли.

Памятник великому Пушкину в Новосибирске ждут не только горожане, но и жители всей области. Место для памятника в парке перед фасадом театра выбрано очень удачно и символично. Гениальный поэт был завзятым театралом, а сотни его творений легли в основу оперных, балетных, драматических спектаклей и мюзиклов, оркестровых и вокальных произведений. Да и парк «Центральный» прежде всего парк культуры, фигура поэта, олицетворяющая величие российской культуры, парку не повредит.

Считаем, что сооружение памятника А.С. Пушкину должно быть составной частью проекта и сметы благоустройства при строительстве нового здания театра музыкальной комедии и проекта и сметы реконструкции парка «Центральный» к его 80-летию. Просим учесть это мнение в решении градостроительного совета при губернаторе и во всех других решениях, определяющих судьбу театра, парка и памятника.

Надеемся, с вашей помощью и участием многолетнее пренебрежение к памяти А.С. Пушкина в Новосибирске будет преодолено и памятник поэту в год 175-летия со дня его гибели появится в парке «Центральный».

От имени всех членов Новосибирского Пушкинского общества:

Нэля Трухина – председатель правления

Владимир Крыжановский – редактор «Пушкинского альманаха»

Владимир Евдасин – член правления

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Памятник А.С. Пушкину в Таганроге 1986 г. Скульптор – Г. Нерода. Архитектор – П. Бондаренко.

Фото. Н. Семёновой

4-я стр. обложки:

Центральный парк г. Новосибирска. Фото Н. Семёновой.

Авантитул:

Г. Новожилов. Пушкин. 1970. Б; пастель, гуашь.

к стр. 92:

Л. Левченко. Пушкин. Б., фломастер.

к стр. 102:

В. Бердаков. Пушкин. 2011. Б., театральный грим.

к стр. 146–147:

В. Попков. Осенние дожди (Пушкин). 1974. Х., м.

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкин и мы

А.С. Пушкин

«...Вновь я посетил» 4

Владимир Евдасин

Повесть о том, как Василий Васильевич Александра Сергеевича
по почте послал 6

Вячеслав Небольсин

Божье озарение 16

Виктор Липчанский

О чём писать 18

Люблю гармонию 19

Ожидание Музы 20

В. Федоров

Морошка 21

Очерк и публистика

Нэля Трухина

Дорога длиною в жизнь 24

Валерия Бобылева

Ревельские мотивы и «ошибка Пушкина» 30

Феликс Кичатов

Кант и Пушкин: отношение к революциям 48

Валерий Болтунов

Пушкин: прорыв в современность 62

Забытые страницы

Ф.М. Достоевский

Пушкин 72

Д.С. Лихачев

Возвышенный гений Пушкина 90

Ученые записки

Сергей Небольсин

Пушкин как преобразователь прошлого 94

Гости Пушкинского альманаха

Александр Громов

«Евгений Онегин» из Нью-Йорка 104

Страницы школьного учителя

Тамара Малкова

Вечно здравствуй, наш Пушкин!	118
<i>Наталья Калинина</i>	

Номинация «Учитель, воспитай ученика»	121
---------------------------------------	-----

Софья Арнгольд

Номинация «Стихи как самовыражение, как песнь учительской души»	126
Моим поэтам	126
К Пушкину	127
России	128

Поиск. Находки. Гипотезы

Станислав Тарасов

МИД Российской империи: Пушкин – масоны – разведка	130
<i>Владимир Крыжановский</i>	

Забытый знакомый А.С. Пушкина	147
-------------------------------	-----

Наши юбиляры

К 80-летию Юрия Ключникова	150
Великое число	151
В режиме катастроф	152
Диктатор	153
Размышления о демократии	154
Ясность	155
Молодым	156

Изобразительная Пушкиниана

Александр Гдалин, Маргарита Иванова

Пушкин в Мадриде	158
------------------	-----

Владимир Крыжановский

Дополнение к библиографии иконографии А.С. Пушкина	166
--	-----

Хроника. Документы Пушкинского общества

Обращение	170
-----------	-----

Открытое письмо	172
-----------------	-----

Пушкинский альманах. Выпуск 10

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 10

**Составители: Владимир Михайлович Евдасин,
Владимир Ефимович Крыжановский,
Нэля Петровна Трухина**

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru

Корректор – Бондаренко В.В.

Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать с оригинал-макета

Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать

Усл. печ. л. , тираж 500 экз., заказ №